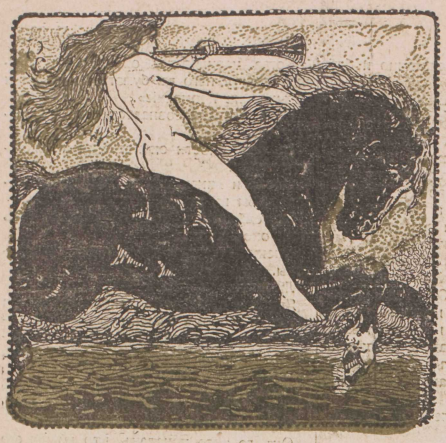
ЦѢНА 10 КОП.



ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 23

СОДЕРЖАНІЕ:

СВѢТЪ. Н. ШЕБУЕВА. — СКАЗОЧКА О 25.000. Н. ШЕБУЕВА — О СПОСОБНОМЪ И СПОСОБНЫХЪ. — КАКЪ МЫ СЪ БАРОНОМЪ ГОВОРИЛИ О ПОЛИТИКѢ. МЫ — КОНКУРСЪ СОНЕТОВЪ. — ПРЕКРАСНОЕ. Н. ШЕБУЕВА. — СИМФОНІЯ ГЛАЗУНОВА. — ВТОРОЙ КОНКУРСЪ. — ЧЕЛОЛѢЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ. ПЕРЕПИСКА М. А. ЛЮБАРСКОЙ-ПИСЬМЕННОЙ СЪ ГРАФОМЪ С. Ю. ВИТТЕ. — ТРИ СТѢНЫ. — ВЪ КОГТЯХЪ НУЖДЫ. — АБЗАЦЫ. Н. ГЕОРГІЕВИЧА. — КОКО. ГРАФА БЕНГАЛЬСКАГО. — ПОЛЬКА. А. К. ГЛАЗУНОВА

СВѢТЪ.

Что мнѣ свѣтъ, этотъ глупый и чопорный свѣтъ!
Что мнѣ рамки условныхъ приличій!
Я — свободный поэтъ и могу, какъ поэтъ,
Презирать стародавній обычай.
Съ каждымъ днемъ предразсудковъ густѣющій лѣсъ;
Съ каждымъ днемъ все властительнѣй мода.
Позабыто великое слово *прогрессъ*
И опошлено слово *свобода*.
Ковалеры и дамы, куда ни взгляни,
Нѣтъ людей! И нахально при этомъ,
И съ сознаніемъ полнаго права, они
Эту тьму называютъ всѣ свѣтомъ.
Что мнѣ свѣтъ, этотъ темный рентгеновскій свѣтъ!
Что мнѣ рамки условныхъ приличій!
Я — свободный поэтъ, и могу, какъ поэтъ,
Презирать стародавній обычай.

Н. ШЕБУЕВЪ.

СКАЗКА О 25.000.

Ее сочинилъ баронъ Фредериксъ.
А можетъ быть Гурко-Лидваль.
А можетъ быть князь Церетелли.
А можетъ быть маркизъ Соѣдовъ.

А можетъ быть ея никто не сочинялъ, а она сама собой сочинилась и въ такомъ видѣ войдетъ въ слѣдственное производство...

Но во всякомъ случаѣ это преинтересная сказочка,, и какъ журналистъ, я обязанъ разсказать ее.

И я разсказалъ ее въ «Руси».

Вотъ она въ интрепретаціи Соѣдова:

«Исторія этихъ 25.000 удивительна, — почти сказочна. Но ей повѣрятъ только тогда, когда судебное разбирательство подтвердитъ мои слова. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ нѣкто Коницъ учелъ вексель барона Фредерикса у инженеръ-технолога Головина (поставка лѣса). Коницъ заболѣлъ, и зная, что барону, находящемуся въ Парижѣ, деньги нужны немедленно, поручилъ своему другу антрепренеру князю Церетелли сходить къ Головину, получить деньги, и отдать вексель и перевести 25.000 франковъ въ Парижъ черезъ банкъ. Князь исполнилъ первую часть порученія: взялъ деньги у Головина. Но идти въ банкъ и переводить отъ своего имени деньги заграницу постѣснялся: скажутъ, вотъ князь артистамъ деньги не платитъ, а заграницу переводы дѣлаетъ. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ поручилъ операцію перевода произвести своему другу по Харькову и Кіеву тоже отставному театральному антрепренеру г. Собко. Князь зналъ, что Собко служитъ въ конторѣ Лидваля и часто бываетъ въ банкѣ, дѣлаетъ переводы. Собко какъ разъ въ этотъ день переводилъ заграницу деньги и по лидвалевскимъ операціямъ. За одно онъ отправилъ и деньги барону и въ бланкъ за одно на всѣхъ квитанціяхъ проставилъ отправителемъ Лидваля. Коницъ, получивъ квитанцію отъ Церетелли поразился, что на ней стоитъ фирма Лидваля. Онъ, опасаясь непріятностей, тотчасъ далъ знать Лидвалю, просилъ его зайти въ банкъ и исправить ошибку. Лидваль былъ въ Азовскомъ банкѣ, но тамъ его успокоили, показавъ, что на корешкѣ квитанціонной книги фирмы Лидваль не значится. Отъ барона Коницъ скрылъ непріятную оплошность и баронъ впервые узналъ объ существованіи такой квитанціи изъ газетъ. Онъ возмутился и подалъ жалобу прокурору на «Рѣчь». На судѣ онъ докажетъ правоту своихъ дѣйствій... А пока... Пока онъ уже отставленъ. Отъ премьеръ министра онъ получилъ предложеніе подать въ отставку. Но баронъ отвѣтилъ, что самъ не подастъ, такъ какъ не его судятъ, а онъ подалъ жалобу на «Рѣчь» и до суда нельзя рѣшить, кто правъ. Послѣ этого отвѣта онъ былъ уволенъ безъ прошенія. Вотъ все, что я могу и долженъ закончить вамъ о баронѣ и его отношеніи, къ Лидвалю».

Такъ говоритъ Н. Н. Соѣдовъ, экс-редакторъ «Развлеченія» и редакторъ развлеченій устроенныхъ въ Нижнемъ Новгородѣ съ разрѣшенія барона Фредерикса.

Я выслушалъ и буквально записалъ его сказочку.

И вотъ на меня вдругъ посыпались обвиненія:

— Съ какой стати вы оправдываете барона Фредерикса! Развѣ теперь подходящій моментъ для обѣленія бюрократіи!...

Я получаю письменныя и устныя упреки, почти брань.

Со мной случилось совершенно тоже самое, что съ А. И. Куприным.

Группа провинціальныхъ актеровъ напечатала въ «Руси» открытое письмо, въ которомъ требуетъ отъ него объясненія, на какомъ основаніи онъ осмѣлился въ одномъ изъ своихъ разсказовъ недоброжелательно отозваться объ актерскомъ сословіи.

Ему пришлось объяснить невѣжественнымъ актерамъ, что авторъ не отвѣтственнен за всѣ рѣчи и мнѣнія своихъ героевъ.

Авторъ можетъ не соглашаться, или соглашатся съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ героя своего разсказа.

И чѣмъ живѣе выведенъ типъ, чѣмъ менѣе трафаретно вызваное имъ къ жизни лицо, тѣмъ больше самостоятельности въ его сужденіяхъ.

Персонажи въ твореніи беллетриста не маріонетки, которыя авторъ можетъ одергивать.

Нѣтъ, они живыя лица и живутъ и дѣйствуютъ на свой страхъ.

И тотъ актеръ, который въ разсказѣ Куприна такъ неодобрительно отзывается объ актерахъ, дѣйствуетъ на свой страхъ.

Авторъ не смѣетъ его одергивать и выкидывать изъ его пѣсни слова.

Наша публика такъ еще не развита, что въ провинціи сплошь и рядомъ рукоплещутъ актеру, играющему добродѣтельный типъ, какъ бы плохо онъ ни игралъ.

И шикаютъ хорошему актеру, если онъ играетъ злодѣя.

ВЪ МОСКВѢ.

МОСТЪ КАДЕТОВЪ.

За к.-д. подано 21336 голосовъ, за октябристовъ 9408, за блокъ лѣвыхъ 4925, за монархистовъ 2644, за безпартійныхъ 362. Избранные по г. Москвѣ, въ числѣ 160, всѣ к.-д.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

МОСТЪ ОКТЯБРИСТОВЪ.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

СЛѢДУЮЩІЙ НОМЕРЪ ВЫЙДЕТЪ ВЪ ВОСКРЕСЕНІЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 20 НОМЕРОВЪ 1 РУБЛЬ.

Въ первыхъ 20 номерахъ были помѣщены между прочимъ слѣдующія произведенія: Н. Шебуева: ОХОТА ЗА ПОДРОСТКАМИ.—Оркестровые крезы.—О проворствѣ рукъ.—ТЮРЬМОВѢДѢНІЕ.—О мирномъ обновленіи.—Грязное бѣлье.—Юмористъ.—Гу о намедни.—Прогулка кадета.—Цари и царицы воздуха.—Мас-арадъ.—СВЯТАЯ ШАНСОНЕТКА.—Пожертвуйте, что вамъ не нужно.—Клозетмэнъ.—Юговосточные человѣки.—Мрачный гость.—О кортестахъ.—Рѣчь о рѣчи.—Танька Беканька.—Какъ мы съ баронъ мъ интервьюировали Красова и Бравча.—Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ кожи.—ГРѢШНАЯ ГРѢШНЫХЪ.—Сестра Беатриса.—Торговля казенными лавками.—Сказочка об мнѣ, о моемъ сынѣ Жоржикѣ и о моей женѣ.—Сказочка о фельетонистѣ газеты «Истинно русское слово».—Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ Mignon.—АНКЕТА ПО ПОЛОВОМУ ВОПРОСУ.—Психіатрическіе этюды.—Двугривенный.—Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ Музыкальный міръ.—ИСТИННО РУССКАЯ БОГОРОДИЦА.—Какъ хороши, какъ свѣжи были розы.—Вѣчная сказка.—Викторъ.—Сказочка о метранпажѣ «Петербургской Газеты».—ИСТИННЫЕ РУССКІЕ АПОСТОЛЫ.—Сказочка о томъ, какъ я сдѣлался милліардеромъ.—ЯПОНСКІЕ ВЕЧЕРА.—СРЕДИ АНГЕЛОВЪ.—Балаганчикъ.—О пирожковѣ.—Амфитеатринъ.—О красотѣ.—О библіи.—ФАНТАСМАГОРІЯ.—ИРОДІАДА. ИДІОТЫ. ПОЛИТИЧЕСКІЙ ФАРСЪ.—КВАРТИРОЛОГІЯ.—Объ ангелахъ.—Какъ я декадентствовалъ.—Какъ мы съ барономъ были на юбилеѣ Кугеля.—Безъ вины виноватый.—ГИМНАЗИСТЪ.—Балаганчики.—СКАЗКА О МЕНЬШЕВИКѢ И БОЛЬШЕВИКѢ.—СЫЩИКОВЫ ИМЕНИНЫ.—Смерть пародіи.—Человѣкъ американской складки.—ВЫБОРНЫЯ КАРТИНКИ.—Алчущія и жаждущія.—Мелодекламація.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНКЕТА.—ПАУКИ И МУХИ.

Первые 20 номеровъ высылаются за 1 рубль только по присылкѣ денегъ (НЕ наложеннымъ платежемъ),

Съ 24-го номера цѣна понижается на 5 копѣекъ за номеръ.

Адресъ конторы и редакціи: Ковенскій, 14. Телефонъ 41—43.

НИКОЛАЙ ГЕОРГІЕВИЧЪ ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 ЧАСОВЪ. КОВЕНСКІЙ, 14. ТЕЛЕФОНЪ 41—43.

Провинціальные актеры, какъ показалъ инцидентъ съ Куприным, не ушли дальше публики и готовы шикать на писателя за «злодѣя».

И мнѣ готовы шикать за то, что я опубликовалъ сказочку, которой думаетъ себя защищать на судѣ «злодѣй».

Между тѣмъ мы, журналисты, сплошь и рядомъ должны, обязаны, выслушивать и запечатлѣтвать на бумагѣ самыя противоположныя мнѣнія.

Когда я интервьюировалъ въ прошломъ году въ Ясной Полянѣ графа Толстого, я всѣми фибрами своей души протестовалъ.

Я не соглашался ни съ однимъ его словомъ, осуждающимъ узко и пристрастно освободительное движеніе въ Россіи.

Но я не имѣлъ права, ни охоты выкидывать ни одного слова изъ его рѣчи.

Мой долгъ былъ довести до свѣдѣнія Россіи (и даже больше чѣмъ Россіи, потому что мое интервью было переведено въ «Figaro», въ «Daily News» и въ «Berliner Tageblatt»):

— Вотъ какъ говоритъ Толстой. И вотъ какъ онъ защищается противъ тѣхъ, кто обвиняетъ его въ бездѣйствіи власти.

Черезъ три дня мнѣ пришлось интервьюировать по тому же вопросу Максима Горькаго.

Онъ говорилъ противоположное Толстому.

Но я такъ же свято передалъ его слова, какъ и слова Толстого.

Теперь я свято передаю слова Соѣдова, чтобы сказать публикѣ:

— Вотъ какъ говоритъ устами Соѣдова Фредериксъ. И вотъ какъ онъ защищается противъ тѣхъ, кто обвиняетъ его въ полученіи съ Лидваля взятки въ 25.000 франковъ!

Если сказочка, которую разсказалъ Соѣдовъ, не интересна,—тогда шикайте мнѣ.

Но если вы хотите шикать мнѣ только потому, что Соѣдовъ и Фредериксъ «злодѣи», тогда...

Шикайте, шикайте и тогда, провинціальная публика.

А я буду смѣяться надъ вами.

Послѣ всего вышеизложеннаго съ особымъ удовольствіемъ помѣщаю выдержку изъ статьи «Утра», посвященную мнѣ.

Въ ней я обвиняюсь и въ защитѣ барона Фредерикса, и въ защитѣ Соѣдова, и во вранѣ:

«Стыдно вамъ, г. Шебуевъ, врать и писать сознательно въ защиту темныхъ дѣлъ».

Но даю слово аноним изъ «Утра».

Чрезвычайно мы удивились, найдя во вчерашнемъ номерѣ «Руси» защиту г. Соѣдова и барона Фредерикса!..

Впрочемъ, удивленіе наше продолжалось недолго.

Взглянувъ на подпись подъ статьей, мы увидѣли тамъ имя г. Шебуева... Тогда стало все понятно.

Н. Г. Шебуевъ—бывшій сотрудникъ «Развлеченія», издававшагося Соѣдовымъ. Подъ эгидой и руководствомъ послѣдняго г. Шебуевъ получилъ свое, такъ сказать, литературное крещеніе и не удивительно, что теперь, въ трудныя минуты, онъ вспомнилъ свои обязательства передъ крестнымъ пупенькой и отплатилъ ему глубокой благодарностью.

Иначе нельзя назвать дѣйствія, обѣляющія гг. Фредериксовъ.

Но если понятно отношеніе къ Н. Н. Соѣдову г. Шебуева, какъ лица близкаго къ нему, то совершенно не ясны для насъ мотивы редакціи «Руси», давшей пріютъ для обѣленія людей, никогда не вылѣзавшихъ изъ грязи.

Впрочемъ, отнесемся къ сему обстоятельству мягко и со свойственнымъ намъ безпристрастіемъ попробуемъ извлечь изъ него истину и пользу для общества.

Начинаетъ свою статью г. Шебуевъ съ важнаго заявленія, что онъ—москвичъ, и потому весьма освѣдомленъ въ дѣлахъ, касающихся кредитки и сопричисленныхъ къ ней комиссіонеровъ.

Мы прекрасно знаемъ, что г. Шебуевъ жилъ въ Москвѣ, но и мы тоже обитаемъ не въ Петербургѣ и не менѣе его освѣдомлены о роли, которую играли въ кредиткѣ разные комиссионеры въ родѣ гг. Соѣдова и Бочкарева. Нравственную цѣнность послѣдняго мы нисколько не преувеличиваемъ и если тѣмъ не менѣе воспользовались его сообщеніями, то исключительно съ цѣлью вывлать на свѣтъ Божій тѣ факты, которые омрачаютъ и позорятъ общественную жизнь Москвы.

Въ этой статьѣ мнѣ ставится въ вину, что я нѣсколько лѣтъ тому назадъ сотрудничалъ въ «Развлеченіи» и получилъ крещеніе «подъ эгидой» Соѣдова.

Я никогда ни отъ кого и не скрывалъ, что въ періодъ секретарства безукоризненно честнаго Ник. Ае. Соколова сотрудничалъ въ «Развлеченіи» на ряду съ «Новостями дня» и «Русскимъ словомъ».

Пересталъ я работать тамъ, когда секретаремъ сдѣлался Андрей Андреевичъ Осиповъ.

Именно потому, что я сотрудничалъ въ «Развлеченіи» (—за 40 лѣтъ существованія этого журнала въ немъ пересотрудничали почти всѣ выдающіеся писатели и журналисты,—стоитъ только взглянуть въ списокъ сотрудниковъ, помѣщенный въ юбилейномъ номерѣ журнала!) я и имѣю право утверждать, что Соѣдовъ въ дѣла редакціи не вмѣшивался.

«Крещеніе» я получилъ въ Казани, въ «Казанскихъ Вѣстяхъ» и «Волжскомъ Вѣстникѣ».

Крестными отцами были А. И. Иванчинъ-Писаревъ, А. И. Богдановичъ и Е. Н. Чириковъ,—составлявшіе тогда редакцію «Вѣстей».

Да не въ этомъ, конечно, дѣло.

Дѣло въ обидчивомъ тонѣ, съ которымъ «Утро» говоритъ всѣ эти вещи объ «обѣленіи» и т. д.

Обвиняя меня въ томъ, что я выслушалъ Соѣдова, «Утро» противорѣчитъ самому себѣ:

«Нравственную цѣнность Бочкарева мы нисколько не преувеличиваемъ»...

Почему «Утро» съ цѣлью вызвать на свѣтъ Божій факты можетъ интервьюировать Бочкарева.

А я съ той же цѣлью не могу Соѣдова!..

Какъ странно, какъ нелогично и беззубо.

А затѣмъ въ чемъ заключается мое «вранье»?

Соѣдовъ «по словамъ авторитетнаго г. Шебуева абсолютно ничего не зналъ о шантажѣ своихъ сотрудниковъ, предаваясь исключительно своимъ какимъ-то «операціямъ!..» Ну, а спросимъ г. Шебуева: не пользовался онъ доходами отъ операцій своихъ сотрудниковъ? И неужели такъ-таки безъ вѣдома редактора-издателя «Развлеченія»—его сотрудники гг. Богемскій и Осиповъ разъѣзжали по Москвѣ на парныхъ рысакахъ? Это вся Москва видѣла, только одинъ г. Соѣдовъ оставался слѣпымъ... Стыдно вамъ, г. Шебуевъ, врать и писать сознательно въ защиту темныхъ дѣлъ!»

Хорошее же представленіе «Утра» обо «всей Москвѣ».

Вся Москва слѣдитъ за тѣмъ, на какихъ лошадяхъ ѣздятъ полное ничтожество, мелкій сотрудникъ Богемскій (Берковичъ) и октябристъ Андрей Осиповъ.

Нужно быть очень досужимъ, чтобы слѣдить за подобными литературными ничтожествами, какъ эти господа.

Неужели «весь Петербургъ» знаетъ, что оба они живутъ и пишутъ здѣсь!

Будьте увѣрены, что во всемъ Петербургѣ они столь же неизвѣстны, какъ во всей Москвѣ.

Соѣдовъ, конечно могъ знать, что они катаются на рысакѣ.

Но вѣдь онъ зналъ же, что эти господа работали и въ другихъ изданіяхъ, а въ «Развлеченіи» только подрабатывали.

Да стоитъ ли вообще говорить объ этихъ господахъ, исторія которыхъ у меня подвернулась къ слову.

Разсказанная г. Шебуеву исторія со взяткой, данной бар. Фредериксу Лидвалемъ, прямо курьезна. Даже г. Соѣдовъ назвалъ ее «сказочной» и признался, что повѣрятъ ей только на судебномъ разбирательствѣ.

Совершенно вѣрно. Пока же можно сказать одно: самѣе всего въ этой исторіи то, что ошибочнымъ переводомъ на имя бар. Фредерикса, обезпокоился не самъ баронъ, а г. Лидваль, имя котораго стояло на отправительныхъ квитанціяхъ!

Чего же ему было безпокоиться? Вотъ удивительно!

Но еще удивительнѣе то, что, получивъ переводъ отъ Лидваля, бар. Фредериксъ нисколько не удивился «ошибкѣ». Очевидно, онъ привыкъ къ такимъ ошибкамъ, связаннымъ съ именемъ г. Лидваля. Впрочемъ, баронъ, *по словамъ г. Шебуева*, возмутился... когда слухи объ ошибкѣ проникли въ печать!.. По поговоркѣ: «лучше поздно, чѣмъ никогда!»

«По словамъ г. Шебуева»...

Слова Соѣдова приписываются мнѣ.

Совершенно такъ же, какъ слова Купринскаго «злодѣя» Куприну.

И это дѣлаютъ столичные журналисты, а не темные актеры глухой провинціи.

Да будетъ имъ стыдно!

Н. ШЕБУЕВЪ.

P. S. Характерныя строки посвящаетъ Соѣдовскому интервью «Новое Время»:

Ничего священнаго не осталось на свѣтѣ, если даже г. Шебуевъ не можетъ прикрыться своимъ «освободительнымъ» ореоломъ.

Sic!

О СПОСОБНОМЪ И СПОСОБНЫХЪ.

II.

Существуютъ въ Россіи двѣ великолѣпныхъ синекуры—опекунство и ликвидаціонная комиссія,

Объ онѣ выродились по всей вѣроятности отъ древняго воеводства.

Воевода посылался, какъ о томъ говорилось въ официальной грамотѣ, «на кормленіе».

Когда назначается опекунъ или ликвидаторъ у него въ бумагѣ не пишется больше «на кормленіе».

Но это всѣми сознается и всѣми чувствуется.

Въ особенности опекаемыми и ликвидируемыми.

Опека и ликвидація... что общаго казалось бы въ этихъ двухъ ремеслахъ.

Но смѣшивать два эти ремесла есть тьма охотниковъ.

Опекуны ведутъ себя, какъ ликвидаторы.

Ликвидаторы—какъ опекуны.

Яркимъ примѣромъ такого смѣсителя является баронъ Тизенгаузенъ—предсѣдатель ликвидаціонной коммисіи по дѣламъ Екатеринославскаго банка баронъ Н. О. Тизенгаузенъ.

Подобно тому, какъ существуютъ почетные опекуны и баронъ можетъ быть названъ почетнымъ ликвидаторомъ.

Онъ до того почетенъ, что дѣянія его считаются непогрѣшимыми: три министерства—юстиціи, финансовъ и государственнаго контроля утверждаютъ, что баронъ имъ не подсуденъ.

У каждаго барона свои фантасіи.

Но не каждый баронъ, имѣетъ возможность такъ властно проводить ихъ въ жизнь, имѣя подручнымъ г. Способнаго, столь прославившагося оратора первой Государственной Думы.

Вы помните тотъ черносотенный душокъ, который исходилъ отъ его пышныхъ рѣчей.

Въ нынѣшнемъ году г. Способному (—которому правильнѣе было бы называться Подручнымъ) не придется попасть въ думу.

Его уже забаллотировали.

Не малую роль сыграла въ дѣлѣ его провала его роль въ качествѣ повѣреннаго ликвидаціонной комиссіи.

Некрасивая роль.

Прочтите судебный отчетъ въ № 49 «Права».

Онъ оканчивается такъ:

— Это наглая ложь... (продолжаетъ Быковъ, все болѣе и болѣе волнуясь, глядя пристально въ лицо г. Способному и негодующе жестикулируя).

Наступила небольшая пауза и онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Долженъ добавить сегодня... Нѣсколько минутъ тому назадъ во время перерыва, онъ предлагалъ мнѣ покончить претензіи комиссіи на 5 тысячахъ, но я отвѣтилъ ему, что нахожу всякія сдѣлки для себя унизительными, подчинюсь только рѣшенію суда, и что если бы я согласился на его предложеніе, то считалъ бы себя подлецомъ.

Судебная палата послѣ непродолжительнаго совѣщанія вынесла приговоръ, коимъ оба подсудимые признаны по суду оправданными, гражданскій же искъ комиссіи оставили безъ разсмотрѣнія.

Выраженіе «наглая ложь» такъ и оказалось пришпиленнымъ къ г. Способному.

А палата санкціонировала это выраженіе своимъ приговоромъ.

Такъ вотъ этотъ самый г. Способный, извѣстный Россіи по Государственной Думѣ, а Екатеринославлю по судебнымъ процессамъ и является главной пружиной ликвидаціонной комиссіи и главнымъ рычагомъ въ дѣлѣ проведенія въ жизнь баронскихъ фантазій.

Онъ явился и обѣлителемъ барона на судѣ съ г-жей Любарской-Письменной.

Кстати повѣреннымъ г-жи Любарской-Письменной является талантливый прис. пов. Пергаментъ, котораго пророчатъ въ члены второй Государственной Думы.

Такимъ оброзомъ противниками въ дѣлѣ г-жи Любарской съ ликвидаціонной комиссіей являются представители двухъ теченій—тормазительнаго—Способный и освободительнаго—г. Пергаментъ.

О ТОМЪ КАКЪ МЫ СЪ БАРОНОМЪ ГОВОРИЛИ О ПОЛИТИКѢ.

— Это возмутительно! —воскликнулъ баронъ входя въ кабинетъ.—Что они со мной дѣлаютъ!..

— Кто они!..

— Я самъ не знаю кто... Всѣ—эсдеки, октябристы, кадеты!.. Они насильно втягиваютъ меня въ политику, которой я

не намѣренъ вовсе заниматься... Они насилуютъ меня...

— Глупости ты говоришь... Никто тебя не можетъ насиловать, если ты сам не пожелаешь...

— Я не хочу! не желаю! Я боюсь политики! Я ненавижу узколобую партійность!.. Зачѣмъ я буду давать слово двигаться только влѣво, или только вправо!.. Зачѣмъ я буду на себя надѣвать намордникъ, когда я могу надѣть монокль!..

Онъ шагалъ большими шагами по ковру:

— Я все дѣлаю, чтбы избѣгать политики. Я не читаю въ газетахъ статей о выборахъ, я не хожу на предвыборные собранія... Я всѣ вечера провожу въ театрахъ... Я изъ послѣднихъ грошей попалъ на бенефисъ Шаляпина... Потому, что весь Петербургъ, вся плутократія и аристократія считала долгомъ посмотрѣть какъ будетъ летать Шаляпинъ... Какъ летаетъ Варламовъ—это всѣ знаютъ... Но какъ летаетъ Шаляпинъ это —ново! ново! достигнуто!.. превзойдено!..

— Да развѣ Шаляпинъ долженъ былъ летать: объ этомъ въ анонсахъ не говорилось!..

— Въ анонсахъ говорилось, что онъ будетъ пѣть «Демона». А разъ для баса пѣть баритономъ, для пѣтуха верещать курицей, не все равно, что для Варламова летать по воздуху. Кромѣ того благожелатели Шаляпина распустили по городу слухъ, что у Ѳеди будутъ настоящія крылья съ такимъ механизмомъ, который позволитъ летать. Этакій версила и вдругъ летаетъ! Это ли не номеръ! За такой номеръ не жаль радужной!.. И платили радужными, платили за ложи?..

— Ну и что же леталъ?

— Нѣтъ, обманулъ ожиданія. Хотя я лично остался доволенъ. Во первыхъ по фигурѣ представь себѣ живого врубелевскаго демона, который выше всѣхъ на полъ головы и поражаетъ благородствомъ и музыкальностью жестовъ... Отъ врубелевскаго демона онъ отличался только типомъ лица—слегка обармянизированнаго... Это остроумно... Тамарѣ Демонъ долженъ казаться именно такимъ —восточнаго типа небожителемъ... Шаляпинъ хорошо пѣлъ. Это не былъ фокусъ—покусъ:—«Вотъ, молъ глядите, я захочу теноромъ запою, захочу баритономъ,—такъ сказать голосъ — travesti!... А вы изумляйтесь»... Аріи «Демона», хотя и не вызывали бисовъ у холодной, разочарованной публики, но мнѣ лично понравились изяществомъ, благородствомъ музыкальностью исполненія. Ты знаешь я лично не долюбливаю Шаляпина за его самообожаніе, неуваженіе къ публикѣ и даже къ музыкѣ... Но на бенефисѣ я восхищался имъ... Кромѣ того въ театрѣ меня видѣла tante Marie... Это очень хорошо. Это подниметъ меня въ ея глазахъ и я сумѣю у нея провести заемъ.. Я скажу; Ахъ, ma tante, Шаляпинъ... ce brigand de Chaliapine разорилъ меня... Но вы поймите, что я не могъ не побывать на его бенефисѣ... Я ничего въ мірѣ такъ не люблю какъ музыку... Если бы я пилъ, кутилъ, посѣщалъ маскарады, занимался политикой и пр., и пр., —тогда, конечно, я понялъ бы чѣмъ замѣнить Шаляпина, но vous savez... И мнѣ удастся занять подъ Шаляпина, какъ правительству на тему подъ вторую думу..

— Позволь. Ты пришелъ возмущенный, что тебя втягиваютъ въ политику, и говоришь о Шаляпинѣ.

Баронъ вспомнилъ, чѣмъ пришелъ и снова схватился за голову.

— Ну посуди ты! Дня четыре тому назадъ получаю прокламаціи эсдековъ и въ нихъ какъ дважды два четыре доказывается, что каждый равнодушно относящійся къ выборамъ тѣмъ самымъ усиленно работаетъ на пользу правыхъ партій... и такъ убѣдительно доказали мнѣ, что я черносотенецъ, что мнѣ даже противно сдѣлалось... Меня признали дѣйствующими въ пользу черносотенцевъ только на томъ основаніи, что я бездѣйствующій, — воздерживаюсь отъ дѣйствій...

— Да, бездѣйствіе власти—преступленіе...

— Я до того проникся чувствомъ неуваженія къ себѣ, что рѣшился пойти къ Бобрищеву— Пушкину!.. Но что же... Онъ оказывается полѣвѣлъ и занялся обличеніемъ и бичеваніемъ того самаго союза русскихъ людей, котораго вдохновителемъ былъ самъ...

— Чѣмъ же онъ обличаетъ? Въ газетахъ я не видалъ что-то.

— У Тумпакова...

— Да развѣ Тумпаковъ издаетъ газету. Онъ издаетъ «Веселую Вдову»...

— «Веселая Вдова» приказала долго жить. Она уже не даетъ сборовъ. Вмѣсто нея пойдетъ обозрѣніе Бобрищева—Пушкина!..

— Неужели!..

— А. Н. Шульцъ мнѣ разсказалъ содержаніе. Хвалитъ. Очень хвалитъ. Говоритъ, что талантливо продернуты истинно-русскіе люди. На сценѣ и истинно русская чайная, лавка, и чайная вечеря, и блокъ правыхъ. Достается и кадетамъ. Но больше всего влетаетъ тому знамени, около котораго Бабрищевъ-Пушкинъ только что самъ бѣсновался. Въ храмѣ Тумпакова онъ сжигаетъ то, чему поклонялся...

— Достойный храмъ и достойный герой...

— Но я продолжаю. Разочарованный ушелъ я отъ Бобрищева-Пушкина,—мнѣ сказали, чо «баринъ не принимаютъ кромѣ Тумпакова никого». Возвращаюсь домой и вижу у себя на столѣ новую прокламацію:

На 7 февраля назначено избраніе выборщиковъ въ Государственную Думу въ С.-Петербургѣ.

Избиратели, отъ васъ зависитъ судьба будущей Думы, судьба вашей Родины.

Каждый уклоняющійся, каждый равнодушный къ выборамъ **работаетъ на пользу лѣвыхъ партій** и ихъ главарей въ ихъ стремленіи къ захвату власти.

Наша цѣль—благо Родины и, поэтому, всѣ мы должны сплоченными рядами встрѣтить натискъ опаснаго врага, который въ случаѣ удачи, опять **приведетъ новую Думу къ роспуску и Россію къ новымъ ужасамъ.**

Въ вашихъ рукахъ сильное оружіе. **Это оружіе—выборы:** не выпускайте его, не отдавайте даромъ побѣды разрушителямъ родины. Каждый вашъ голосъ, поданный не за лицемѣрныхъ крикуновъ, а зачестныхъ **людей дѣла,** которымъ не стыдно заявить, что они любятъ свою **Родину,** послужитъ **ей** на пользу.

Кадетская партія въ провинціи замѣтно теряетъ почву, нигдѣ уже она не рѣшается выступить одна, вездѣ ищетъ **поддержки соціалъ-демократовъ и революціонеровъ.** Въ Петербургѣ даже и эти партіи **не вѣдятъ кадетамъ.**

Вся ихъ надежда на безпартійныхъ и равнодушныхъ. Не дайте же имъ выбрать отъ русской столицы людей, стремящихся къ гибели Россіи.

Избиратели, не вѣрьте лживымъ обѣщаніямъ кадетовъ; не будьте пѣшками въ рукахъ ихъ главарей.

У меня положительно ноги подкосились!.. Какъ! здѣсь меня обвиняютъ въ томъ, что я работаю въ пользу лѣвыхъ партій... Позволь, да вѣдь это значитъ, что я эсъэръ или по крайней мѣрѣ эсдекъ!.. Вѣдь это возмутительно!.. Ты знаешь, что я даже по наружному виду большевика отъ меньшевика не отличу!.. И вдругъ... я эсдекъ!.. Да, вѣдь, меня каждый дворникъ можетъ арестовать!.. Каждый городовой повѣсить!..

— Успокойся, мой другъ!.. Всѣхъ эсдековъ не перевѣшаютъ...

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не могъ успокоиться... Я рѣшилъ тогда немедленно же учесть эту повѣстку...

— ?..

—Очень просто. Надо умѣть занимать, по до все. Я теткѣ разсказалъ, какъ я занялъ подъ Шаляпина. А тутъ я занялъ подъ октябристовъ... Разстроенный явился я съ этой прокламаціей октябристовъ къ tante Nadine и объяснивъ положеніе вещей, закончилъ: «Надо немедленно же, о, совсѣмъ немедленно... plus vite que possible... легализироваться!.. Ахъ, ma tante легализируйте меня, что, бы дворникъ не помѣлъ меня арестовать и городовой повѣсить!..» — «Но какъ я могу это сдѣлать!.. Это спеціальность Петра Аркадьевича!.. Я-то тутъ при чемъ?..»—Вы не только можете, вы должны легализировать меня... И это вамъ удивительно легко... Смотрите сюда..» Я перевернулъ прокламацію октябристовъ на другую сторону. Тамъ напечатано слѣдующее:

Запись въ Члены Союза, пріемъ взносовъ и пожертвованій и выдача справокъ производится въ канцеляріи Союза 17 октября ежедневно отъ 11 час дня до 6 вечера.

Литейный участковый Комитетъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель:

Красовскій, Михаилъ Васильевичъ, Членъ Госуд. Совѣта по выборамъ. Саперный, 10.

Товарищъ предсѣдателя:

Столыпинъ, Александръ Аркадьевичъ, писатель, Французская наб., 32.

Члены:

Блокъ, Петръ Львовичъ, пр. пов., Баскова ул., 8.

Бобрищевъ-Пушкинъ, Александръ Владиміровичъ, присяжный повѣренный, Моховая, 13.

Виташевскій, Николай Аркадьевичъ (казначей Комитета), архитекторъ, Лиговская, 11.

Волковъ, Михаилъ Александровичъ, коммерціи-сов., Фурштатская, 36.

Вольскій, Алексѣй Николаевичъ, (секретарь К-та) Манежный, 8.

Кривенко, Василій Силовичъ, писатель, Захарьевская, 14.

Лобенъ, Александръ Ѳедоровичъ, купецъ, Саперный пер., 11.

Миоютинъ, Юрій Николаевичъ, отставн. поручикъ, Французская, наб., 32.

Князь **Оболенскій,** Алексѣй Васильевичъ, Пантелеймонская, 8.

Остроградскій, Василій Александровичъ, Литейный, 12.

Петровъ, Сергѣй Борисовичъ, метранпажъ, Басковъ пер., 29, кв. 8.

Потоцкій, Николай Платоновичъ, отст. ген. отъ артил., профес. Знаменская, 35.

Пранишниковъ, Ипполитъ Петровичъ, профессоръ пѣнія, Басковъ пер., 21.

Пуцилло, Левъ Вячеславовичъ, учитель, Басковъ, 25.

Баронъ **Розенбергъ,** Эдуардъ Викторовичъ, помощ. пр. пов., Литейный, 25.

Соколовъ, Сергѣй Семеновичъ, прис. пов., Моховая, 17.

Суворинъ, Борисъ Алексѣевичъ, журналистъ, Эртелевъ, 6 кв. 10.

Трегубовъ, Николай Николаевичъ, отст. генералъ отъ арт., Манежный, 2

Унковскій, Сергѣй Владиміровичъ, прис. пов., Надеждинская, 14.

Целепи. Леонидъ Николаевичъ, земскій гласный, Невскій, 84.

Шабельскій, Александръ Михайловичъ, (секретарь К-та), Моховая, 39.

Всѣ эти лица уполномочены принимать членскіе взносы и пожертвованія.

Понимаете ли, ma tante, всѣ эти лица уполномочены принимать членскіе взносы... Ихъ тутъ 23 человѣка... Слѣдовательно, достаточно взнести каждому пятирублевый членскій взносъ и я легализированъ!.. Поймите вы, ma tante, лега-ли-зи-ро-ванъ!.. И я буду спокойно спать, пить, ѣсть, курить...—«И дурить», —прибавила тетушка... «Но что же тебѣ отъ меня нужно?..»—Какъ что?.. Пять-ю-двадцать три... три жды пять пятнадцать... пять-ю-двадцать сто... сто пятнадцать рублей!..—«Ни за что!..» — Но вѣдь за то я буду легализированъ на всю жизнь!.. Это все равно, что оспу привить!..»

— Ха-ха-ха!..

— Въ концѣ концовъ мнѣ удалось убѣдить ее дать мнѣ на легализацію 200 рублей. Я объяснилъ, что нѣкоторымъ членамъ комитета неловко дать пятишну... есть князь, баронъ, братъ премьера... имъ меньше четвортной не удобно... Словомъ, я учелъ октябристскую повѣстку...

— Такъ надо радоваться, а ты влетѣлъ сегодня ко мнѣ взбѣшеннымъ...

— Ахъ, да какъ же мнѣ не взбѣситься, когда меня кадеты изнасиловали...

— Что ты, что ты!..

— Да, своимъ агитаторамъ сдѣлали... Пель-мель!.. Пель-мель!.. Пель-мель!..—и онъ схватился за голову.

— Ни черта не понимаю.

— Ну да. Я со своей проклятой довѣрчивостью втюрился вчера въ пельмель...

— ?!..

— Ну въ кабаре что ли..!

— !?.

— Ахъ, какой ты. Прочиталъ я въ газетахъ объявленіе о томъ, что Красовъ и Арбатовъ позавидовавъ балаганчику Коммиссаржевской, устроилъ въ «Аквариумѣ» цѣлыхъ три десятка балаганчиковъ и въ Мейерхольды самого Ге выписали... Ну я и поѣхалъ... Пріѣхалъ... все какъ слѣдуетъ... освѣщеніе... раскраска... балаганъ балаганомъ... Масса публики... Отдѣльные кабинеты понадѣланы и надъ каждымъ написано «Кабаре». Въ одномъ столикѣ граммофонъ стоитъ и надпись—«Кабаре». Въ другомъ актриса Нильская и подпись «Кабаре Нильскій кракадилъ». «Въ третьемъ волшебто фонарь и надпись — «Кабаре озанфѣръ» Въ четвертомъ рѣшительно ничего нѣтъ и подпись — «Кабарѣ для влюбленыхъ». Въ пятомъ негръ съ мулаткой (а можетъ быть мулъ съ негритянкой,—не знаю какъ правильнѣе) мачишъ пляшутъ... и еще какой то другой танецъ подмачишъ, что ли и подпись «Кабаре паради»... И все кабаре, кабаре, кабаре... Надъ дамской уборной и то «Кабаре» написано, такъ что я чуть туда не вломился... Все такъ невинно... У Пель-Арбатова—ликъ серафима, у Мель-Красова ликъ херувима, у Гегеге-Кабаре то же, что то дѣтское въ личикѣ... Могъ ли я подумать, что за ангельскою улыбкою змѣится каварная засада.. А когда я узналъ, было уже поздно... Я уже сдѣлался агитаторомъ... Пель-мель-агитаторомъ!..

— Что за чушь!..

— Да. Въ публикѣ одни говорил, что цѣль пель-меля—собрать деньги для кадетской агитаціи!.. Значитъ я далъ десятишну, ту самую десятишну, которую tante Nadine мнѣ дала на А. А. Столыпина, А. В. Бобрищева-Пушкина, Б. А. Суворина или на какого-нибудь другого октябриста,—кадетамъ!.. Вотъ какъ кадеты свои дѣла обдѣлываютъ! Не мудрено, что они въ Москвѣ такъ побѣдили'.. Я—агитаторъ!.. Я—агитаторъ!.. Пельмель-агитаторъ!.. Пель-мель-ка-де-кабаре агитаторъ!.. Что если tante Nadine узнаетъ! Она лишитъ меня наслѣдства!..

— Успокойся. Невѣроятно, чтобы цѣль пель-мель была агитаціонная. Просто на просто питерскіе кадеты желали почтить Московскую побѣду и устроили вчерашнюю вечеринку—каде-кабаре съ кадемачишемъ, съ кривляющимися Урванцовымъ и Варламовымъ съ граммофономъ и Гвоздецкой... Отчего не попраздновать въ самомъ дѣлѣ, когда весело на душѣ!..

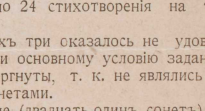
— Ну такъ значитъ это политическая манифестація!..

— Стыдись!.. Варламовъ и манифестація!.. Это даже не остроумно...

— Ну а къ чему же было сдѣлано 30 уборныхъ... Это не намекъ на...

Тутъ баронъ чихнулъ и его мысль оборвалась.

МЫ.



КОНКУРСЪ СОНЕТОВЪ.

На объявленный редакціей «Газеты Шебуева» конкурсъ сонетовъ отозвалось 24 лица.

Прислано 24 стихотворенія на тему «Россія».

Изъ нихъ три оказалось не удовлетворяющими основному условію заданія и были отвергнуты, т. к. не являлись по формѣ сонетами.

Остальные (двадцать одинъ сонетъ) были напечатаны въ № 16 газеты.

Затѣмъ редакція обратилась къ П. И. Вейнбергу И. О. Дымову, А. Л. Волынскому, Т. Н. Щепкиной—Куперникъ, С. А. Найденову, Е. Н. Чирикову, Л. В. Василевскому, Б. Лазаревскому, К. И. Арабажину, А. Р. Кугелю, В. Ѳ. Боцяновскому съ просьбою указать лучшій по ихъ ихъ мнѣнію сонетъ.

Трое изъ вышеперечисленныхъ лицъ не смотря на свое обѣщаніе и напоминаніе редакціи до сихъ поръ не доставили своихъ голосовъ.

Не желая откладывать присужденія преміи редакція вчера произвела подсчетъ голосовъ.

Оказалось, что изъ сонетовъ напечатанныхъ въ № 16 maximum голосовъ получили:

XIV-ый сонетъ . . . . 5 голос.
IX-ый » . . . . . 4 голоса.
I, VI. XXIX » . . . . . 2 »
III, XIII, XVI, XVII, XX, и XXI по 1 гол.

По подсчету голосовъ былъ вскрытъ конвертъ подъ соотвѣтствующимъ девизомъ.

Авторомъ сонета оказался И. О. Эльперинъ изъ Минска, Кайдановская, д. № 26, куда выслана премія.

Остальные конверты съ девизами были уничтожены.

Вотъ премированный сонетъ:

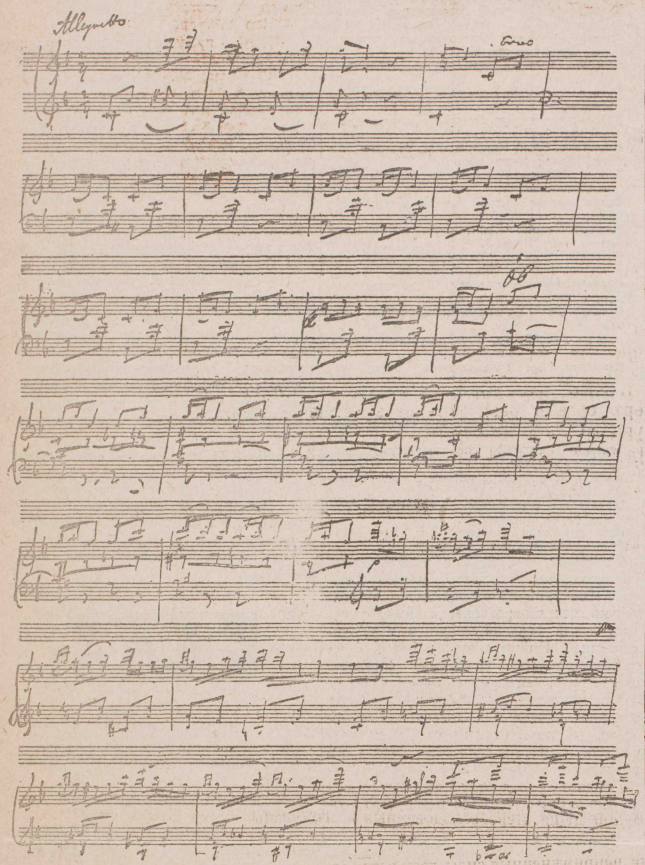
Р О С С І Я.

Средь неразгаданныхъ загадокъ,
Какъ тайна вѣчности и сна,
Загадкой дивною она
Сплетаетъ въ дикій безпорядокъ
Святыню, грязь, позоръ и славу,
И смѣхъ, и слезы, и укоръ...
Въ ней миръ—ликующій раздоръ,
Въ ней право—лѣво, лѣво—право,
Въ ней беззаконіе—законъ...
И, какъ набатный перезвонъ,
Въ ней долго будетъ въ тьмѣ временъ
Рыдать безумной боли стонъ,
Пока не будетъ вѣчный сонъ
Въ разсвѣтномъ заревѣ сожженъ...

И. ЭЛЬПЕРИНЪ.

Минскъ.

ПОЛЬКА А. К. ГЛАЗУНОВА.



ПРЕКРАСНОЕ.

Прекрасное есть отблескъ идеала [1])...
Прекрасное гармонія частей [2])...
Прекрасное есть совершенство [3]),—два начала:
Добро и бытіе [4])... Прекрасное идей
Есть совершенное отожествленье
Въ частяхъ, и въ цѣломъ съ образомъ [5])...
Зовемъ
Прекраснымъ мы въ конечномъ выраженье
Всей безконечности [6])... Прекрасное во всемъ,
Что нравится [7])... Теперь ты видишь ясно,
Я почему зову прекрасной ежечасно
Тебя, мой другъ... Вѣдь для меня ты—все:
Ты—жизнь моя, ты—отблескъ идеала...
Ты—самый идеалъ... Въ себѣ ты сочетала
Гармонію, добро и бытіе...

1) ПЛАТОНЪ: «Прекрасное есть отблескъ идеала.» 2) АРИСТОТЕЛЬ: «Прекрасное—гармонія частей». 3) ЛЕЙБНИЦЪ, ВОЛЬФЪ и БАУМГАРТЕНЪ: «Прекрасное—совершенство.» 4) ПЛОТИНЪ: «Прекрасное—два начала и бытіе.» 5) ФИШЕРЪ: «Прекрасное есть совершенное соотвѣтствіе, совершенное тожество идей съ образомъ въ частяхъ и въ цѣломъ.» 6) ШЕЛЛИНГЪ: «Прекрасное есть безконечное, выраженное въ конечномъ.» 7) КАНТЪ: «Прекрасное это то, что нравится».

СИМФОНІЯ ГЛАЗУНОВА.

На юбилейномъ концертѣ устроенномъ А. И. Зилоти были исполнены двѣ симфоніи А. К. Глазунова — первая и восьмая, — первая и послѣдняя.

Но я не буду говорить сейчасъ ни о первой, ни о второй, ни о седьмой, ни о послѣдней.

Я хочу говорить о первой и послѣдней симфоніи.

О симфоніи, только половина которой еще написана Глазуновымъ.

Но конечно такъ стройно, такъ спокойно и красиво, такъ логично и послѣдовательно, что третья часть ея и финалъ ея предчувствуются, предрадываются.

Они придутъ въ свое время царственно прекраеные, величественные

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

Переписка М. А. Любарской-Письменной съ графомъ С. Ю. Витте.

Копія.

На имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ С. Ю. Витте. 9-го февраля 1906 г. Харьковъ Кацарская, 33.

Милостивый Государь,

Графъ Сергій Юльевичъ!

Вы были тысячу разъ правы, сказавши, что чужая душа потемки. И дѣйствительно, съ момента полученія Вашего послѣдняго письма, вы стали для меня, Графъ, мучительной загадкой...

Говорю мучительной потому, что будучи сама искренной, я не могу не вѣрить вамъ, когда говорите мнѣ, что «жестоко заблуждаюсь въ вашихъ дѣйствіяхъ и побужденіяхъ»,

Въ такомъ случаѣ остается предположить одно изъ двухъ: или что вашей волей руководить воля другаго лица—сильнѣе васъ, съ которымъ по неволѣ вступили вы въ тайное соглашеніе, или что вы совершенно не въ курсѣ дѣла, того сплошнаго безумія, того ужаса, которые мы всѣ испытываемъ, переживаемъ.

«Открытое письмо» Вл. Короленко къ «Г. статскому совѣтнику Филонову» явилось для меня лишь послѣдней каплей, переполнившей чашу моего терпѣнія передъ той отвратительной картиной безудержной расправы, кровожадности въ борьбѣ, дикой мстительности нашего правительства, не знающаго болѣе предѣла беззаконеніямъ, необузданному произволу;—за которой безъ содроганія не можетъ наблюдать даже самый утомленный человѣкъ, а потому вы безусловно заблуждаетесь приписывая содержаніе моего послѣдняго письма чувству неуравновѣшенности, запальчивости, рисующихъ въ моемъ воъображеніи» картину, совершенно несоотвѣтствующую дѣйствительности», тогда какъ всѣ выводы мои и заключенія строго обоснованы были только на фактахъ, однихъ голыхъ фактахъ, не отступающихъ ни на іоту отъ тяжелой дѣйствительности.

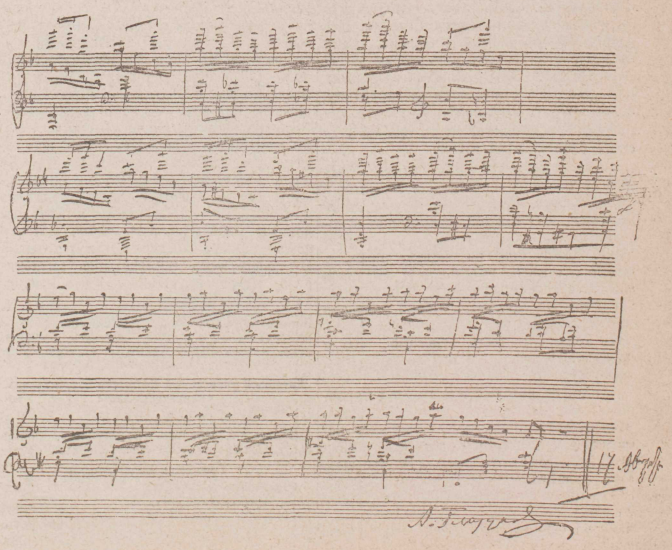
Конечно, я могла ошибаться въ мотивахъ, руководящихъ вами и вашими дѣйствіями, но согласитесь, что каждый изъ насъ, оцѣнивая поступки и дѣйствія другаго, всегда беретъ за критеріумъ самого себя: какъ поступилъ бы онъ при данныхъ обстоятельствахъ!—

И ставя вамъ въ послѣднемъ письмѣ ультиматумъ, я невольно вспомнила страшную минуту въ моей жизни, когда безповоротно предрѣшила судьбу свою и своего несчастнаго мужа. Это было вначалѣ 1902 г. Послѣ перваго всеподданнѣйшаго доклада по дѣлу Харьковскихъ банковъ, А. А. Будбергъ пригласилъ меня къ себѣ на Почтамтскую и злорадствуя, торжествуя, объявилъ мнѣ, что Государю Императору на всеподданнѣйшее прошеніе мое благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть соизволить: затребовать отъ васъ, какъ отъ Министра Финансовъ, заключенія по дѣлу Харьковскихъ банковъ, но что онъ — Будбергъ заявилъ уже Его Величеству, что какое не послѣдовало бы заключеніе отъ васъ, представить судебное избирательство въ настояще время, представляется совершенно не возможнымъ... Словомъ, Будбергъ повторилъ мнѣ только то, что сказано мнѣ было, какъ вы знаете, графомъ В. С. Татищевымъ въ вагонѣ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года.

Въ отвѣтъ на выраженное мною негодованіе по поводу его явно пристрастнаго доклада, преднамѣреннаго обмана Государя, баронъ Будбергъ сталъ горячо убѣждать меня, просить немедленно уѣхать изъ Петербурга, представивъ судьбу остальныхъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ—на полное усмотрѣніе судебнаго рѣшенія, завѣряя меня «честнымъ» словомъ, что за молчаніе, за покорность мою съ обязательствомъ не говорить больше о взяткахъ, они—Н. В. Муравьевъ и баронъ Будбергъ — «спасутъ мнѣ мужа и вернутъ мнѣ состояніе».

Отъ рѣшенія моего, какъ видите, зависѣло, или что бы мой мужъ появился на скамьѣ подсудимыхъ лишь въ качествѣ необходимаго декорума, съ тѣмъ, чтобы выйти изъ суда не только оправданнымъ, но и богатымъ человѣкомъ, или же обречь мужа на страданія, разореніе, незаслуженный позоръ, которыя и свели его преждевременно въ могилу... а себя на лишенія, неравную борьбу съ той темной, несокрушимой силой, которая, не пощадивши насъ, загубила и Россію.

Мучительное, страшное искушеніе!—И тѣмъ неменѣе, безъ колебаній, съ презрѣніемъ отвергла я преступное соглашеніе, предложенное мнѣ барономъ Буд-



и неизбѣжные и довершатъ великую симфонію жизни Глазунова.

И я вѣрю, что случится это не ранѣе, какъ черезъ 42 года, т. е. черезъ такой періодъ времени, какой прошелъ съ начала этой симфоніи до сегодня.

Но что же можно сказать о симфоніи жизни Глазунова.

Прекрасную монографію объ юбилярѣ написалъ А. В. Оссовскій.

Вотъ что онъ написалъ:

«Миновали времена, когда жизнь художника протекала цѣпью яркихъ событій, исполненная движенія и страсти, красивыхъ порывовъ и жестокихъ паденій, похожая боѣе на фантазію, чѣмъ на простую дѣйствительность. Когда читаешь біографіи Микель-Анджело или Эммануэле Асторги, Байрона или нашего Пушкина, порою не вѣрится, что это быль, а не измышленіе романиста, изукрашенное его воображеніемъ. Столько сильныхъ положеній и эффектныхъ сценъ нагромоздила здѣсь сама жизнь на протяженіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ. Увы, съ раціоналистическимъ и буржуазнымъ складомъ новѣйшаго времени вся жизнь пошла ровнымъ безстрастнымъ ходомъ и нѣтъ обстановки, въ которой могли бы разражаться прежнія необычайности. Быть можетъ, со смертью Франца Листа романтизмъ въ послѣдній разъ бросилъ свой красивый отблескъ на біографію художника...

И тѣмъ не менѣе даже и за это позднѣйшее время на память не приходитъ другого примѣра жизни композитора, лишенной всякихъ внѣшнихъ событій въ большей степени, чѣмъ жизнь А. К. Глазунова. Даже біографія Брамса разнообразнѣе. Съ самаго дня своего рожденія А. Глазуновъ живетъ и, конечно, будетъ жить въ томъ самомъ домѣ, даже въ той самой квартирѣ, гдѣ впервые увидѣлъ онъ свѣтъ. Онъ спитъ теперь на той же кровати, на которой и родился; рабочій рояль композитора и его письменный столъ стоятъ въ комнатѣ, гдѣ родился онъ самъ, гдѣ родился и его отецъ. Рѣдкія непродолжительныя путешествія заграницу. Время отъ времени, разсѣянныя, какъ верстовые столбы на долгомъ пути, какія-нибудь домашнія обстоятельства, нарушающія спокойное теченіе жизни—чья-либо болѣзнь или что-нибудь въ этомъ родѣ. Еще рѣже какое-нибудь внѣшнее событіе, напр., минувшая неурядица въ консерваторіи. А тамъ снова все ровно и мирно, все заполнено однимъ только творчествомъ и всѣ интересы въ трудѣ во имя того же искусства. Жизнь идетъ лишь изнутри. Тамъ, гдѣ-то, въ нѣдрахъ души совершаются, даже неприведенныя къ сознанію, глубокія переживанія, проносятся яркіе образы, складываются самобытныя мысли, чтобы вылиться затѣмъ въ звучащихъ формахъ, отмѣченныхъ такою красотою, силою и размахомъ.

— Откуда все это берется?—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ пораженный слушатель.

— Откуда? — Непочатыя цѣлины лежатъ еще въ глубинахъ русской народной души. Неизрасходованныя, даже непримѣненныя силы дремлютъ еще тамъ. Огромнымъ кускомъ такой цѣлины и представляется мнѣ А. Глазуновъ. Тѣ же непочатыя силы бродятъ и громоздятся одна на другую въ его произведеніяхъ, и тамъ, гдѣ для другихъ художниковъ нужны личныя переживанія и рядъ внѣшнихъ впечатлѣній, чтобы они отразились затѣмъ въ художественныхъ образахъ, для творчества Глазунова достаточно одного только содержанія его собственнаго внутренняго существа. Другого объясненія въ біографіи композитора вы не отыщете.»

Профаны, а ихъ девять десятыхъ въ нашей публикѣ, укоряютъ симфоніи Глазунова въ недостаточной мелодіи.

ВТОРОЙ КОНКУРСЪ

Редакція «Газеты Шебуева» объявляетъ конкурсъ на слѣдующихъ условіяхъ:

I. Тема — «Кадетъ».

II. Форма — восьмистишіе (8 строкъ).

III. Срокъ — не позже 15 февраля сего года.

IV. Премія — за лучшее стихотвореніе 25 рублей.

V. Всѣ присланныя къ 15 февраля стихотворенія будутъ напечатаны въ ближайшемъ ко дню открытія второй Государственной Думы номерѣ «Газеты Шебуева».

VI. Этотъ номеръ будетъ разосланъ на заключеніе виднымъ беллетристамъ и журналистамъ Петербурга.

VII. Всѣ стихотворенія должны доставляться въ двухъ конвертахъ подъ одинаковымъ девизомъ. Въ одномъ конвертѣ стихотвореніе безъ подписи, въ другомъ — снабжено подписью и точнымъ адресомъ автора.

VIII. Непремѣннымъ условіемъ напечатанія стихотворенія въ числѣ конкурирующихъ должна быть его цензурность.

бергомъ, предпочтя горе, страданіе безнадежную борьбу условіямъ, противнымъ моей совѣсти и нравственнымъ убѣжденіямъ.

Такъ поступили, Графъ, люди замученные, затравленные...

Я давно знала, что нашъ русскій интеллигентъ тяжко боленъ, что онъ чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ... И это понятно: нельзя безнаказанно жить изо дня въ день вопреки собственному разуму. Человѣкъ не можетъ не быть больнымъ, когда нѣтъ единства между его жизнею и его сознаніемъ, когда непреложныя нравственныя велѣнія его совѣсти подавлены условіями внѣшней жизни; русскій человѣкъ боленъ глубокимъ, подъ часъ даже бесознательнымъ разладомъ съ самимъ собою.

Это я знала. Но до настоящей минуты никакъ не могла допустить мысли, что именно въ лицѣ вашемъ, встрѣчу перваго государственнаго дѣятеля, который могъ бы сознательно находиться въ вѣчномъ разладѣ со своими убѣжденіями, желаніями; всѣ мѣропріятія котораго шли бы явно въ разрѣзъ съ его же опубликованною для всеобщаго свѣдѣнія confesion de foi—политической программой, подъ флагомъ которой вступили вы на постъ премьера.

Вотъ почему я была глубоко убѣждена, что вы продались бюрократіи.

Конечно, вы не станете отрицать, что вначалѣ всѣ смотрѣли на васъ, какъ на спасителя Россіи, способнаго могучей, желѣзной рукой опытнаго и смѣлаго рулеваго, направить измученную, взволнованную страну на путь мирной эволюціи, въ русло закономѣрнаго общественнаго развитія. прогресса; что только о васъ одномъ и думали и говорили, и взоры всѣхъ и свѣтлыя надежды обращены были къ вамъ одному.

Я сама теперь очень сожалѣю, что обстоятельства приковываютъ меня къ Харькову и я не могу лично поговорить съ вами и доказать вамъ насколько въ дѣйствительности пагубна и ужасна система, примѣненная вами въ цѣляхъ умиротворенія Россіи и еще при такомъ подборѣ сподвижниковъ, какъ тѣ лица, которыхъ вы свободно избрали для этого великаго, святого дѣла!—

Скажите, чего ждала отъ васъ страна?—Не такъ ли?—только успокоенія честнымъ и скорымъ осуществленіемъ гражданскихъ правъ и свободъ—началъ, провозглашенныхъ Манифестомъ 17-го октября, начинавшагося словами: «Смуты и волненія въ столицахъ и многихъ мѣстностяхъ Имперіи нашей великой и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце наше... «затѣмъ, слѣдовало дарованіе народу» «незыблимыхъ основъ гражданской свободы», предназначенныхъ Высочайшею Волею именно, какъ средство «къ умиротворенію государственной жизни».

Понятно, что страна истомленная четверть вѣковой реакціей, въ борьбѣ съ которой погибло даромъ столько могучихъ, юныхъ силъ, погибло незаконно, безвозвратно,—восторжено встрѣтила, съ чувствомъ глубокаго облегченія этотъ актъ величайшей важности, вызванный неотложной государственной необходимостью, то есть смутой, народнымъ мятежемъ. Въ немъ видѣла она наступленіе новой. счастливой эры—свободной, закономѣрной жизни.

Но чѣмъ сильнѣе были восторги ея, тѣмъ тяжелѣе—быстро наступившее разочарованіе, тѣмъ больше раздраженіе противъ тѣхъ, кто не только залилъ кровью первые дни народнаго счастья, но и заслонилъ отъ нея, какъ всѣмъ уже казалось, свѣтъ ярко занимавшейся зари...

Какъ смотрѣла я на декабрьское вооруженное возстаніе, вы это знаете изъ моихъ писемъ. Въ то время еще, когда многіе предсказывали побѣду революціонерамъ, я говорила, что конечнымъ результатомъ этого безумія, этой необдуманной дѣтской вспышки будетъ реакція, бѣлый терроръ», со всѣми его кровавыми послѣдствіями, со всѣми ужасами... что революціонеры сыграютъ только въ руку правительства.

Но на всѣ жалобы и мольбы страны о пощадѣ отъ дальнѣйшей экзекуціи, правительство отвѣчало лишь новыми жестокостями... и вы успѣли превзойти разгромами, убійствами, разстрѣлами великую французскую революцію, тогда какъ Германія за свою конституцію въ 1848 году заплатила лишь 198 жертвами, павшими въ Берлинѣ на баррикадахъ.

Вѣроломство, которымъ все время, начиная съ 18-го октября 1905 года, отличалась политика Совѣта Министровъ, не есть государственная мудрость... но вы, очевидно, и теперь еще не понимаете, что не исключительные законы нужны для излеченія хроническаго недуга родины, а только скорѣйшій созывъ Государственной Думы.

Г. Меньшиковъ въ своей статьѣ «Великія Дѣла», призывая общество еще вѣрить и ждать отъ васъ великихъ дѣлъ совершенно справедливо замѣчаетъ, «что великія дѣла вовсе не самыя трудныя. Вся трудность ихъ въ неумѣніи большинства смотрѣть на вещи просто». Будь только образованъ вами Совѣтъ Министровъ изъ дѣльныхъ и честныхъ людей—земскихъ и городскихъ дѣятелей, прошедшихъ строгую школу самоуправленія, и можно съ увѣренностью сказать, что Государственная Дума уже теперь функціонировала бы.

Утѣшать же себя мыслей, ежедневно вѣшая, разстрѣливая десятками людей, что возстаніе не будетъ — по меньшей мѣрѣ легкомысленно!—Въ такіе моменты, какъ переживаемый нами, не здравый смыслъ, не разсчетъ. а народная страсть опредѣляетъ событія. Мы живемъ въ атмосферѣ, насыщенной недовольствомъ, озлобленіемъ, местью — и эти чувства только разжигаются правительствомъ...

Дай богъ, чтобы не исполнились мои предсказанія и съ весной не поднялась бы деревня. Но даже князь Мещерскій и тотъ бросаетъ вамъ въ лицо обвиненіе въ томъ, что вы, «торжествующіе реакціонеры», «по слѣпотѣ своей» ведете Россію къ страшной катастрофѣ.

Почему нибудь многіе помѣщики спѣшатъ также за безцѣнокъ сбывать крестьянамъ свои угодья, родовыя помѣстья. Значитъ, и они тоже сознаютъ, что настоящее призрачное спокойствіе—не болѣе, какъ затишье передъ бурей.

Положимъ, что Петербургъ и прежде всегда отличался крайне равнодушнымъ, даже презрительнымъ отношеніемъ къ провинціи, къ своей «дойной коровѣ», къ ея нуждамъ и ходатайствамъ, но до такого глубокаго непониманія настроенія управляемаго населенія еще никогда не доходили стоящіе у кормила власти.

Вы можете возразить, что для управленія государствомъ при посредствѣ исключительныхъ, чрезвычайныхъ и военныхъ положеній, совсѣмъ и не надо знать истиннаго настроенія страны, а достаточно имѣть «сапоги и шпоры», какъ говорилъ Наполеонъ I-й. Но при этомъ вы не должны забывать, что управленіе страной посредствомъ только одной вооруженной и административно-полицейской силы неизбѣжно влечетъ за собою: упадокъ культуры, полную финансовую и экономическую дезорганизацію, нищету народа и разстройство самой административной.

На мѣсто закона вы поставили административное усмотрѣніе и никто не увѣренъ, что онъ завтра же не сдѣлается жертвою доноса сыщика, жандарма, какого нибудь члена Русскаго Собранія или Союза русскихъ людей, не падетъ отъ руки злоупотребляющей и насилующей власти. Такое невыносимое положеніе естественно реагируетъ рѣшительно на всѣхъ усиливая недовольство, раздраженіе и итогъ подавленія революціоннаго элемента исключительными мѣрами, повсемѣстно выразился въ революціонированіи и тѣхъ мирныхъ элементовъ, которые прежде не принимали никакого участія въ революціонномъ движеніи.

Вы упрекнули меня въ запальчивости, въ излишней чувствительности, но повѣрьте, что каждый порядочный человѣкъ вамъ скажетъ, что такого гнета, такого нарушенія законовъ, дикаго попиранія всѣхъ человѣческихъ правъ, даже казни безъ суда... не существовало и при В. К. Плеве...

Кромѣ того, исключительные законы никогда не достигаютъ своей цѣли, ибо

Но музыкальное ухо, напортивъ, поражается мелодическимъ даромъ Глазунова:

«Въ любой его темѣ есть забота о красотѣ мелодической линіи, вкусъ къ пластичности ея, а эти легкіе и плавные изгибы мелодіи раеполагающіеся большею частью діатонически, безъ большихъ скачковъ и на сравнительно ограниченномъ діапазонѣ, ритмическое разнообразіе фразъ, и любленные время отъ времени вкусно брошенные форшлаги—всѣ эти черты придаютъ Глазуновскимъ мелодіямъ индивидуальный, у другихъ композиторовъ не встрѣчающійся складъ».

И жизнь Глазунова такъ сложилась.

Съ виду въ ней нѣтъ мелодіи.

Это только гармонія.

Событія кажется не бороздятъ этой жизни, не нарушаютъ ритмическаго біенія старозавѣтнаго укдала ежедневности.

Но чуткое ухо различаетъ въ этой симфоніи легкіе и плавные изгибы мелодіи, располагающіеся большею частью діатонически, безъ большихъ скачковъ...

Однимъ изъ такихъ скачковъ былъ и только что отшумѣвшій юбилей его.

Это былъ эпизодъ. Только эпизодъ въ симфоніи жизни Глазунова.

Но эпизодъ прекрасный.

Гремѣли торжественные аккорды встрѣчи Лядова.

Гордо шла на встрѣчу съ поднятымъ бокаломъ шампанскаго здравица Римскаго-Корсакова.

Кристаллически чистая, прозрачная гармонія Глазуновскихъ симфоній обволакивала душу чуднымъ сномъ на яву.

Съ эстрады въ публику протянулись золотыя нити.

И по нимъ какъ по нервамъ передавалось каждое біеніе сердца Глазунова.

И рыдалъ божественный балетъ...

И вспомнилась мнѣ послѣдняя выставка Нестерова.

Самой интересной картиной на мой взглядъ является на ней эскизъ «Адамъ и Ева».

Они застыли въ балетной позѣ предъ древомъ познанія добра и зла.

И столько святости, столько пластичности, столько стыдливой красоты въ этомъ эдемскомъ танцѣ.

Не его ли исполнялъ и царь Давидъ предъ ковчегомъ завѣта, — этимъ древомъ познанія добра и зла.

И текли къ эстрадѣ со всѣхъ концовъ міра (да и изъ Америки даже) привѣтствія и поздравленія.

Привѣтствовали пачками.

Да, это былъ чудный безоблачный юбилей.

Безоблачный потому, что у Глазунова нѣтъ враговъ.

И все таки это былъ только одинъ эпизодъ.

Прекрасный эпизодъ изъ божественной симфоніи, которая пишется уже 42 года и которая называется «Жизнь Глазунова».

Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ

ТРИ СТѢНЫ.

Я оказался пророкомъ.

Найденовскую «Стѣну» сняли съ репертуара Александринскаго театра.

Еще бы—Найденовъ вывелъ на Императорскую сцену небывалое амплуа—революціонера.

Я боялся, что вообще актеровъ на революціонныя роли въ этомъ театрѣ не найдется.

Но актеры нашлись.

Потому что начальство глядѣло въ то время на Найденова благосклонно.

До того пошло на встрѣчу «Стѣнѣ», что даже въ конторѣ уже распоряженіе сдѣлало объ увеличеніи штатовъ.

Между амплуа резонеръ и первый любовникъ рѣшили поставить графу революціонеръ.

Была созвана особая комиссія, которая должна была нормировать оклады артистамъ на революціонныя роли.

Первый революціонеръ приравненъ по окладу къ первому любовнику.

Второй революціонеръ (кадетъ)—къ второму любовнику.

И т. д.

Но вотъ теперь все это пошло на смарку.

«Стѣна» снята по настоянію истинно-русскихъ людей.

О новыхъ амплуа и не заикаются.

Новые штаты упразднены.

На Ходотова косятся.

Съ Найденовымъ чуть здороваются.

А жаль...

Революціонеръ Императорскихъ театровъ!—Это звучало гордо.

* * *

Почти одновременно со «Стѣной» по слухамъ рѣшено снять со сцены одного крупнаго бюрократа.

Онъ, видите ли, оказался революціонеромъ.

Рѣшилъ жениться на шансонеткѣ.

Рѣшилъ разрушить стѣну, въ которую замурованъ «свѣтъ»...

Скандалъ полнѣйшій: его жена, бывшая шансонетка, платформа которой была «ноги вверхъ!» по мужу получаетъ право присутствовать среди женъ другихъ бюрократовъ, платформа которыхъ «руки вверхъ!». на дворцовыхъ выходахъ.

Возмущенная бюрократія агитируетъ въ пользу лишенія скомпрометтировавшаго себя сановника придворнаго званія.

* * *

И еще стѣна.

Кадетъ дальняго плаванія, князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ, исключенъ изъ членовъ Императорскаго Яхтъ-Клуба.

Единогласно.

За то, что онъ кадетъ.

И это почти въ одинъ день съ помпезнѣйшей побѣдой кадетовъ въ Москвѣ!..

Оказывается, даже для того, чтобы быть членомъ Яхтъ-Клуба, нужно имѣть какія-то убѣжденія.

Яхтъ-убѣжденія.

Въ карточную игру и то политика затесалась.

Раньше винтерамъ куда легче было.

Собрались пятеро—винтъ съ выходящимъ.

Собрались четверо—винтъ съ гвоздемъ, прикупкой, присыпкой и прочими онерами.

Собрались трое, — винтъ съ болваномъ.

А теперь хозяинъ мучается:

— Что мнѣ дѣлать! Что мнѣ дѣлать! Одинъ кадетскій винтъ составляется, а Ивану Петровичу партнеровъ нѣтъ!.. Кадеты говорятъ: «Лучше мы съ двумя выходящими будемъ играть, чѣмъ съ октябристомъ»...

И несчастный безпартнерный октябристъ смотритъ сентябремъ.

* * *

И всюду политика, политика, политика...

И всюду ее гонятъ, а она бьетъ какъ прибой волны въ стѣну...

И напрасно думаютъ уберечь стѣну отъ размыва...

Гони политику въ дверь, она войдетъ въ окно...

Вѣдь она и вошла-то къ намъ впервые въ окно.

Великій революціонеръ земли русской Петръ Первый прорубилъ въ Европу окно и впустилъ политику.

одинаково отражаются и на здоровыхъ и на больныхъ частяхъ государственнаго организма. Они же отмѣнили и тѣ немногія гарантіи неприкосновенности личности и безопасности населенія, каковыми оно привыкло пользоваться даже и во время всевластія В. К. Плеве.

Вмѣсто обѣщанныхъ свободъ, всю Россію заполнили тучи скорпіоновъ, въ образѣ разнаго рода и вида «держимордъ», которое командуя: «fusillez, fusillez toujours» —рядомъ съ этимъ пишутъ такіе приказы, которые невольно переносятъ насъ въ средніе вѣка.

Такъ, легатъ, посланный папой Иннокентіемъ III-мъ для борьбы съ еретической сектой альбигойцевъ, произнесъ фразу, ставшую классической: «перебейте всѣхъ, а на томъ свѣтѣ самъ Господь Богъ отдѣлитъ правыхъ отъ виноватыхъ!»

Это было въ 1208 году. Теперь, спустя семь столѣтій, мы читаемъ почти буквально такую же фразу въ приказѣ генералъ-губернатора Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ Тифлисской губерніи —Бауера, съ текстомъ котораго, замѣтьте, познакомило насъ «Россійское Телеграфное Агентство», а не спеціальные корреспонденты газетъ... «уклоненіе отъ исполненія требованій генералъ-губернатора повлечетъ за собою уничтоженіе виновныхъ селеній — безъ всякаго разбора правыхъ и виноватыхъ лицъ въ отдѣльности».

Несомнѣнно, что уже въ началѣ XIII столѣтія, современники Иннокентія III возмущены были упрощеннымъ судопроизводствомъ примѣняемымъ его легатомъ, иначе не записали бы они его слова въ назиданіе потомству. Но тамъ рѣчь шла о спасеніи безсмертной души—части человѣческаго тѣла, несравненно болѣе важной съ точки зрѣнія вѣрующаго человѣка, чѣмъ бренное тѣло, а потому еще можно было по тѣмъ временамъ, съ нѣкоторыми натяжками, примириться съ сожженіемъ тѣла человѣка во имя спасенія его души.

Генералъ же Бауеръ примѣнялъ систему римскаго легата къ преступленіямъ во всякомъ случая менѣе важнымъ, нежели соблазнъ вѣрующей души въ еретическое ученіе. Это уже не правосудіе даже и по законамъ военнаго времени...

Не выдержали нервы и «православнаго священника», обратившагося съ открытымъ письмомъ къ митрополитамъ, епископамъ и пресвиторамъ православной русской церкви съ мольбою защитить несчастныхъ противъ произвола «новѣйшихъ опричниковъ», сказать, хотя одно слово Царю о томъ, что дѣлаютъ современые Малюты Скуратовы на Святой Руси...»

И нашъ ученый юристъ, бывшій профессоръ уголовнаго права, Кузьминъ-Караваевъ, впрочемъ забракованный вами въ Министры Юстиціи, возвысилъ свой авторитетный голосъ противъ наглаго попиранія закона при усмиреніи безпорядковъ, «разстрѣловъ безъ суда и слѣдствія.» «по ошибкѣ», «по печальному недоразуменію», даже безъ повѣрки личности по тѣмъ «бумажкамъ» Московскаго Охраннаго Отдѣленія, которыми живые люди кѣмъ-то превращались въ мертвецовъ... Такъ, на станціи «Голутвино» полковникомъ семеновскаго полка —Риманомъ, геройски совершено было преступное убійство 26 человѣкъ... только зарвавшіеся игроки—поставившіе все на карту, могутъ быть такъ жестоки, такъ циничны въ расправѣ своей...

Войско исполняетъ мучительный долгъ, несетъ вмѣстѣ со всей Россіей тяжелый крестъ—подъчасъ непосильныхъ испытаній,—а вы, награждая солдатъ, возводите еще въ военный подвигъ убійства, разстрѣлы безъ суда и слѣдствія своихъ же братьевъ... Это ли еще не примѣръ современнаго правительственнаго разврата?

Прочтите, Графъ, описаніе послѣднихъ минутъ разстрѣла машиниста Ухтомскаго на станціи «Люберцы». Не сущее ли безуміе бороться вамъ съ такими негодными, гнусными средствами противъ этихъ титановъ, великихъ фанатиковъ идеи, безстрашно идущихъ на вѣрную смерть, ряды которыхъ ежедневно пополняются новыми борцами-героями?

Нельзя пройти молчаніемъ и тѣхъ лицъ, которымъ вручаетъ П. Н. Дурново неограниченную власть на мѣстахъ. Напримѣръ, камергеръ Александровскій признанъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ вполнѣ доброкачественнымъ губернаторомъ для Екатеринослава, послѣ того какъ на основаніи ревизіи, произведенной сенаторомъ Нарышкинымъ, даже Исполнительная Комиссія Краснаго Креста нашла нужнымъ немедленно изъять изъ употребленія г. Александровскаго. Зачѣмъ же бросаете вы наглый вызовъ цѣлому краю, назначая уличеннаго вора на высшій административный постъ?

Благоволите, Графъ, обратить также ваше благосклонное вниманіе на краткій формуляръ временнаго Генералъ-Губернатора въ Тобольскѣ—А. Н. Тройницкаго. Къ этому добавлю, что недѣли 3 тому назадъ получила письмо отъ одного изъ тамошнихъ уважаемыхъ аборигеновъ, въ которомъ тотъ выражаетъ свое искреннее сожалѣніе по поводу внезапнаго смѣщенія губернатора Лаппа С. орженецкаго и недоумѣніе всѣхъ обывателей города о введеніи и у нихъ военнаго положенія, когда мирное теченіе жизни рѣшительно никѣмъ и ничѣмъ не нарушалось. Вѣроятно, теперь и Тобольскіе жители уразумѣли высшую политику нашего «конституціоннаго» правительства...

И послѣ этого вы еще говорите, что хотите успокоить Россію?—Нѣтъ, Графъ! —Крайнимъ партіямъ простятся и забудутся ихъ безумія, насилія, но правительству—никогда. По отношенію къ нему во всѣхъ слояхъ русскаго общества накопилось столько озлобленія, сколько не было его и въ послѣдніе дни царствованія В. К. Плеве.

Надо удивляться одному, что г. Азанчевскій не назначенъ еще на новый отвѣтственный постъ. Что его услугами почему-то не хотятъ воспользоваться — на подобіе Роговича, Курлова, Хвостова и К°.

Право, можно подумать, что въ настоящее время назначенъ всероссійскій конкурсъ на полученіе преміи за наибольшее безаконіе. Но мы имѣемъ столько примѣровъ въ этомъ направленіи, такъ стройно и дружно дѣйствовали всѣ конкуренты, что, казалось, пальма первенства уже добыта и дальше итти некуда, вызвавъ послѣдними правительственными репрессіями и возстановленіемъ противъ общества темныхъ реакціонныхъ силъ тревогу даже и у Князя Мещерскаго.

Неужели и Князя Мещерскаго,—вѣщающаго о членахъ Русскаго Собранія: «эти quasi слуги Престола своими дѣйствіями оказываются болѣе его врагами, чѣмъ революціонеры—таковы Грингмуты, Шараповы, Никольскіе и всѣ такъ называемые «черносотенцы», — можно упрекнуть въ отзывчивости?—Знаменательно и то, что Князь Мещерскій очень тщательно отговаривается нынѣ отъ реакціонной печати. Согласитесь, что это очень характерно... хотя и понятно.

Наши реакціонеры и консерваторы не имѣютъ ничего общаго съ консерватизмомъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Консерватизмъ хочетъ прежде всего порядка и спокойстія, чего страстно хочу я, чего хочетъ вся Земская Русь. Наша же «черносотенная» реакція —эта дикая орда, готовая служить всегда тому, кто больше дастъ— вдохновляемая Шараповыми, Грингмутами и К°, отрицаетъ всякій государственный порядокъ и на мѣсто его ставитъ произволъ грубой силы, кулачное право, опирающееся на самые низменные инстинкты темныхъ массъ и на отбросы общества.

Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но здѣсь—въ Харьковѣ я могу поздравить ваше правительство съ блестящей, уже одержанной имъ побѣдой: почти весь новый составъ гласныхъ Городской Думы избранъ изъ среды «черносотенцевъ».

Вотъ мелочь, конечно, по сравненію только съ остальнымъ: внезапный арестъ и административная «экспропріація» безъ суда и слѣдствія, безъ объясненія причинъ, всѣми уважаемаго профессора Н. А. Гредескула—изъ семьи, изъ общества...

ВЪ КОГТЯХЪ НУЖДЫ.

I.

Она подала мнѣ свою паспортную книжку.

«Паспортная книжка безсрочная. Выдана приставомъ 2 уч. Выборгской части сбп. столичной полиціи, тысяча девятисотаго года марта мѣсяца 24 дня женѣ сосланнаго въ Сибирь бывшаго студента медико-хирургической академіи Аннѣ Александровнѣ Соловьевой... Лѣтъ: 50 лѣтъ...»

— Только это мнѣ въ полиціи семь лѣтъ убавили. Въ 1865 году я вышла замужъ... Мнѣ было тогда 15 лѣтъ. Тогда мнѣ опекунъ годъ прибавилъ, а то не хотѣли вѣнчать... А въ 1867 году мужа выслали въ Сибирь... Съ тѣхъ поръ и началась моя каторга.

— По какому же дѣлу высланъ былъ онъ?

— По дѣлу Каракозова... Онъ былъ его товарищемъ... У насъ произвели обыскъ... Арестовали и... съ тѣхъ поръ я съ нимъ не видалась... Я осталась съ его матерью на рукахъ и вотъ съ этой паспортной книжкой, которая вотъ уже сорокъ два года отравляетъ мою жизнь. Никуда ни на службу не берутъ, ни мѣста не даютъ,—опасная я... А въ чемъ моя опасность!.. Вы взгляните только на меня...

Ея старческія губы подергивались судорожной гримасой,—ей было стыдно и больно просить на бѣдность, ей было трудно разсказывать интимныя подробности своей жизни.

— Замужъ меня выдалъ опекунъ. Съ мужемъ года не прожила... И вотъ 42 года мучаюсь...

— Онъ у васъ сейчасъ гдѣ? Подъ амнистію попалъ?..

— Да. Подъ самую надежную имнимстію. Онъ умеръ вотъ уже восемь лѣтъ. Онъ попалъ бы подъ амнистію. А я... мнѣ нѣтъ, не было и не будетъ амнистіи... Мнѣ нужно бояться каждаго дворника, каждого городового, каждаго сыщика... потому что я бывшая жена бывшаго сосланнаго, бѣглаго студента... За дѣло, бывшее почти полвѣка тому назадъ...

— Бывшее... бывшее... бывшее... Все «бывшее» въ этомъ дѣлѣ... И сама Соловьева, случайная свидѣтельница Каракозовскаго дѣла, мнѣ кажется «бывшей», сорвавшейся со страницъ журнала «Былое»..

Вѣдь самъ бы Каракозовъ, если бы онъ былъ живъ, получилъ бы теперь амнистію!..

А эта несчастная, больная старушка принуждена до сихъ поръ расквитываться за каракозовское дѣло, въ которомъ не играла никакой роли.

Ея адресъ: Ораніенбаумъ, Михайловская ул., д. 7. кв. 2.

II.

Онъ подалъ молча большой пакетъ. А въ немъ масса листиковъ разнаго формата.

«Директоръ Курсовъ Евгеній Павловичъ Рапгофъ, симъ свидѣтельствуетъ, что сынъ уволеннаго по болѣзни отъ службы, рядового П. К—нъ обладаетъ прекраснымъ голосомъ, подающимъ въ будущности хорошія надежды и очень музыкальными способностями. 20 Авг. 1902 г.

Дир. курсовъ Е. П. Рапгофъ».

Г. П. Е. К—нъ обладаетъ, по моему мнѣнію хорошимъ звучнымъ голосомъ и хорошими же музыкальными способностями. И голосъ и способности его заслуживаютъ того, чтобы ихъ тщательно обработать. 17 сент. 1902 г.

Артистъ М. Чупрынниковъ».

«П. Е. К—нъ обладаетъ довольно красивымъ баритономъ средней силы съ неразвитыми еще верхними нотами, но въ виду молодости г. К—на и того, что онъ еще не учился пѣнію, можно надѣятся, что при правильномъ ученіи голосъ его усилится и окрѣпнутъ верхнія ноты.

Артистъ Императорскихъ театровъ
И. Прянишниковъ».

20 ноября, 1902 г.

«Симъ удостовѣряю, что П. К—нъ обладаетъ хорошими музыкальными способностями и голосомъ подающимъ надежды.

Артистъ Императорскихъ СПБ. театровъ
В. Шароновъ».

11 сентября, 1903 года.

«Симъ удостовѣряю, что у П. Е. К—на есть голосъ пригодный для концертнаго пѣвца. Обладаетъ хорошимъ музыкальнымъ слухомъ.

Директоръ курсовъ Б. Бестрихъ.

29 сент., 1904 г.

«Удостовѣреніе. Дано сіе свидѣтельство господину П. Е. К—нъ на предметъ представленія въ удовлетвореніе того, что голосъ г. К—на теноръ и по качеству своему представляетъ матеріалъ, заслуживающій полнаго вниманія для обработки. 23 янв. 1905 г.

Бывшая артистка Императорской Русской Оперы

В. Люценко».

Tullio Zanetti Artiste et professeur de chant declare que M. K-n possède toutes les qualités pour devenir un tres brave artiste de chant».

Такіе же лестные отзывы о голосѣ и способностяхъ К—на далъ Л. М. Клементьевъ, О. Ф. Сеффери, В А. Полянская, О. Н. Хомутовъ-Нардуччи и др.

Разбираясь въ этихъ запискахъ, я натолкнулся на телеграмму.

«Правда ли, что К—нъ застрѣлился. Давидъ».

— Что это такое...

Юноша смутился, покраснѣлъ:

— Это... Я... Это отъ отца телеграмма... Это я... лѣтомъ нынче... покончить было съ собой пытался...

— Сколько же вамъ лѣтъ?

— 22...

— Стрѣляться въ 22 года!.. Стыдитесь...

— Не выдержалъ. Нужда ужъ очень притиснула... Всѣ хвалятъ голосъ, надежды вселяютъ... А жить нечѣмъ, учиться не на что... На рукахъ старикъ 70-ти лѣтъ.. Не выдержалъ...

— Что же я вамъ могу сдѣлать... Напечатать о васъ въ газетахъ... можетъ быть кто нибудь изъ меценатовъ поможетъ выкарабкатся, встать на ноги..

— Только ради Бога, чтобы фамиліи моей не было... Я боюсь... мнѣ стыдно просить...

И мы условились, что лица, которымъ придетъ желаніе помочь П. Е. К—ну, будутъ адресовать такъ:

«Ковенскій, 14, Н. Г. Шебуеву, для П. Е. К—на».

АБЗАЦЫ.

Къ чести сената слѣдуетъ отнести нынѣшнее его разъясненіе.

Наскучивъ разъясненіями лѣвыхъ господа сенаторы сегодня разъяснили самого Пуришкевича.

Такъ ему и надо!

Онъ устраненъ отъ выборовъ «за недоказанностью проживательства его въ предѣлѣхъ Аккерманскаго уѣзда на началахъ осѣдлости.»

Однимъ словомъ онъ оказался кочевникомъ.

Кочевникомъ же оказался, какъ извѣстно. и А. И. Гучковъ, знаменитый изслѣдователь Каширіи.

Проникшій въ печать слухъ о томъ, что А. И. заболѣлъ вѣтряной оспой, преувеличенъ.

А. И. Гучковъ былъ боленъ вѣтряной мельницей, но въ настоящее время оправился, настолько, что принялъ участіе въ выборахъ.

Впрочемъ, онъ оказался слабымъ.

* * *

Въ былые дни, когда у журналиста не было темы, онъ садился къ столу и писалъ или о «досрочномъ освобожденіи» или объ «условномъ осужденіи».

Редакторъ морщился:

— Опять!

Но все таки бралъ.

Вторую изъ этихъ темъ избрало сейчасъ министерство юстиціи.

Фирсъ въ «Руси» остроумно доказываетъ, что у насъ давнымъ давно уже существуетъ самобытное условное осужденіе, выработанное безъ участія гнилого запада.

На западѣ суть условнаго осужденія въ томъ, что обвинительный приговоръ приводится лишь въ случаѣ совершенія осужденнымъ новаго преступленія.

У насъ преступникъ тоже подвергался наказанію не по существу, а лишь условно: возможно де, что онъ совершитъ когда-нибудь какое-нибудь преступленіе, а по сему подлежитъ заключенію въ тюрьму.

Западное условное осужденіе, отлагая кару до второй вины, болѣе охраняетъ интересы преступника, нежели общества; русское же условное осужденіе, карая задолго до первой вины, безъ всякаго сомнѣнія болѣе радѣетъ объ обществѣ, нежели о преступникѣ...

У той и другой системы есть свои достоинства и свои недостатки. Если Россіи дѣйствительно суждено идти своимъ особымъ путемъ, то слѣдуетъ крайне бережно относиться къ ея традиціямъ.

И радоваться скороспѣлымъ реформамъ можетъ лишь тотъ, кому не дороги самобытныя національныя черты страны, охраняемыя съ истинно-рускимъ рвеніемъ.

Совершенно не согласенъ съ талантливымъ фирсомъ

Истинно русское рвеніе получитъ въ институтѣ условного осужденія прекрасную поддержку.

Введеніе у насъ западнаго условнаго осужденія отнюдъ не означаетъ отмѣны

Я лично не знаю и никогда не видѣла этого человѣка, только разъ или два, по прочтеніи въ газетѣ «Міръ» его статьи «Вопросъ поставленный на очередь», которую, кажется, и вамъ послала, писала ему и просила помѣщать въ редактируемой имъ газетѣ не только статьи для большой публики, но и для васъ—«небожителей», почему въ данномъ случаѣ могу быть ужъ совершенно безпристрастной.

Прилагая вырѣзки изъ газеты «Будущее«, спрашиваю васъ, графъ. кто предоставилъ П. Н. Дурново право игнорировать и даже отмѣнять основные законы Россійской Имперіи?—Вы, или кто другой.

Привожу вамъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ и освѣдомленныхъ источниковъ слѣдующій фактъ. Баронесса Икскуль поѣхала лично къ Дурново съ цѣлью выяснить ему, что профессоръ Гредескулъ арестованъ на основаніи доноса какого то «черносотенца»—члена Русскаго Собранія и что ему—министру Внутреннихъ Дѣлъ сообщены совершенно невѣрные свѣдѣнія будто бы Гредескулъ состоялъ членомъ федеративнаго совѣта, когда онъ въ дѣйствительности принадлежитъ къ конституціонно-демократической партіи. Но едва баронесса Икскуль заговорила о профессорѣ Гредескулѣ, какъ Дурново рѣзко остановилъ ее, заявивъ, что онъ не намѣренъ выслушивать какія бы то ни было объясненія по поводу ареста предсѣдателя Харьковскаго Юридическаго Общества.

Помилуйте, куда же дальше идти по пути беззаконія и произвола надъ личностью человѣка?—Значитъ. молчи, покоряйся, разъ, что угодно П. Н. Дурново заживо тебя похоронить или потому, что ты ему неудобенъ, или что тебя купить нельзя?—Превыше всего и всѣхъ —«престижъ власти». Все безразсудно приносится въ жертву этому Молоху...

Вотъ еще одинъ не менѣе вопіющій актъ насилія злоупотребляющей власти. 2-го декабря прошлаго года арестованъ былъ въ Москвѣ докторъ Е. Я. Столкиндъ, вся вина котораго заключалась въ томъ, что во время почтово-телеграфной забастовки, онъ собиралъ частныя пожертвованія и на эти деньги устраивалъ столовыя, гдѣ раздавались голодающимъ чиновникамъ даровыя обѣды.

За таковое дѣяніе, Столкиндъ и по сей день содержиться въ одиночномъ заключеніи и къ нему уже предъявлено обвиненіе по 1143 ст. Уложенія—то есть въ перспективѣ каторжныя работы не свыше 20 лѣтъ...

Съ перваго взгляда въ дѣлѣ этомъ невольно поражаетъ каждаго, діаметрально противоположное воззрѣніе на составъ преступленія двухъ сосѣднихъ судебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго и Московскаго. Первый прекратилъ дѣло—за отсутствіемъ въ немъ состава преступленія, противъ кого бы мы думали?—персоны gratae, самого господина Дурново, делегата почтово-телеграфнаго съѣзда и члена того-же союза, а второй—грозитъ каторгой человѣку, совершенно непричастному ни къ забастовкѣ, ни къ почтово-телеграфному союзу. А между тѣмъ, разногласіе въ осужденіяхъ чиновъ прокуратуры по тождественному дѣлу, объясняется все той же политикой «высшаго давленія». Къ Столкинду предъявлено было это столь тяжкое обвиненіе лишь въ силу личнаго приказа г. Акимова старшему предсѣдателю и прокурору Московской судебной палаты, въ цѣляхъ удовлетворенія чувствамъ злобы и мести двухъ сатраповъ—г.г. Дурново и Севастьянова... Я дословно повторяю вамъ, графъ, разъясненіе данное Московской прокуратурой родственникамъ привлеченнаго къ дѣлу—доктора Столкинда. Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность П. Н. Дурново—ненасытнаго въ корысти, въ своемъ человѣконенавистничествѣ и жаждѣ къ власти...

А г. Акимовъ, а всѣ мудрыя и благія мѣропріятія его!—направленныя къ искаженію судебныхъ уставовъ и къ разрушенію послѣднихъ остатковъ правосудія, уцѣлѣвшихъ еще отъ управленія министерствомъ Н. В. Муравьевымъ и С. С. Манухинымъ... По справедливости говоря, до такого цинизма и невѣроятной разнузданности не доходилъ у насъ ни одинъ министръ Юстиціи.

Мало того, что по уголовному судопроизводству, благодаря полному оскудѣнію Государственнаго Совѣта въ идейныхъ людяхъ, какими были графъ Блудовъ и другія его современники, Акимову удалось провести дикіе и безнравственные принципы, некогда безуспѣшно проводимые всѣмъ извѣстнымъ негодяемъ —тоже министромъ Юстиціи, графомъ Панинымъ (Уставы 20 ноября 1866 года), что прежде надо наказать каждаго, а затѣмъ уже разслѣдовать, кто въ дѣлѣ правъ, а кто виноватъ, то есть «карать безъ суда и слѣдствія», но Акимовъ заставилъ и высшее Дисциплинарное Присутствіе Правительствующаго Сената предписать «секретными указами» всѣмъ судамъ, палатамъ «служить правительству—произволу и усмотрѣніямъ административныхъ властей...», когда судьи по долгу присяги обязаны служить Царю, праву и закону... Но это далеко еще не все!

Г. Акимовъ отмѣнилъ «несмѣняемость» судей, одобривъ увольненіе чиновъ судебнаго вѣдомства отъ занимаемыхъ ими должиостей, административнымъ порядкомъ. Г. Акимовъ въ свою очередь обратилъ Особое Присутствіе судебныхъ палатъ съ сословными представителями въ «филіальное» отдѣленіе Департамента Полиціи, въ исполнительный органъ того же Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и самъ внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ объ отмѣнѣ мотивированныхъ приговоровъ палатъ съ сословными представителями съ двоякой, какъ говорятъ цѣлью: ускорить производство этихъ дѣлъ и лишить Сенатъ всякой возможности контролировать рѣшенія Короннаго Суда.

Не проще ли было бы г. Акимову взять на себя произнесеніе приговоровъ надъ всѣми лицами, нынѣ привлеченными къ отвѣтственноси?—По крайней мѣрѣ этимъ путемъ Министръ Юстиціи снялъ бы съ подчиненныхъ ему, бѣдныхъ, подневольныхъ судей, тяжкую и гнусную обязанность: «чинить расправу надъ людьми часто невинными безъ суда и слѣдствія!»

Да, такая обязанность можетъ быть только по плечу и по душѣ такимъ дегенератамъ, какъ г.г. Дурново-Акимовъ...

Но воля ваша, графъ, сентенція Калигулы: «пусть ненавидятъ, только бы боялись», не есть идеалъ правительственной премудрости и вы это очень скоро сами почувствуете, если не измѣните курса настоящей политики вашего Совѣта Министровъ.

Желала бы я знать, что пользы Россіи въ томъ, что невѣжественный, чистопородный анархистъ — Кутлеръ, бросилъ вамъ въ лицо свой министерскій портфель, послѣ того, какъ ему не удалось на «законномъ основаніи» ограбить всѣхъ землевладѣльцевъ?—если циркуляръ Министра Финансовъ, «эта прокламація соціалъ-демократическаго комитета («Новое Время» отъ 3-го ноября. «Маленькія письма» А. Суворина), на дѣлѣ уже совершенно аннюлировалъ Высочайшій Указъ отъ 3-го ноября 1905 года!—Когда операція Крестьянскаго банка по пріобрѣтенію для крестьянъ частновладѣльческихъ земель, грозятъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какое либо соприкосновеніе къ землѣ — полнымъ разореніемъ.

Я, конечно, говорю не о предполагаемомъ выпускѣ Крестьянскимъ банкомъ свидѣтельствъ. Этотъ проектъ, если только суждено ему осуществится, ваводнитъ всю Россію негодными бумажками, на подобіе тѣхъ «notes», которыя выпущены были Неккеромъ передъ самой великой французской революціей, я говорю объ искусственномъ обезцѣненіи помѣщичьихъ земель г.г. управляющими банка по «предписанію свыше...»

Вотъ факты. Я называю вамъ имена и фамиліи.

Землевладѣлица Славяносербскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, Лидія Васильевна Де-Прерадовичъ (по первому мужу Булацель), идя на встрѣчу нуждамъ совершенно безземельныхъ кресть-

нашего русскаго самобытнаго условнаго осужденія,

Оно лишь расширяетъ его.

Оба условныхъ осужденія будутъ существовать, одновременно дополняя и поправляя другъ друга.

Условное осужденіе въ такомъ двояковыпукломъ видѣ принесетъ безусловную пользу всѣмъ, кому дороги самобытныя національныя текста.

Въ умѣлыхъ рукахъ условное осужденіе не институтъ, а золото:

Нужно осудить Крушевана, — судія пускаетъ въ ходъ западное условное осужденіе.

И приговоръ надъ Крушеваномъ отмѣняется до окончанія выборовъ.

Нужно осудить Милюкова,—судія пускаетъ наше истинно русское условное осужденіе.

И Милюковъ сажается въ тюрьму до окончанія выборовъ.

* * *

Совсѣмъ я сегодня скверно выгляжу.

Прочелъ въ газетахъ, что П. А. Столыпинъ въ отставку выходитъ и замѣняется чуть ли не Курловымъ.

Ужасно это меня потрясло.

Только что мы къ Столыпину попривыкли,—вдругъ опять канитель.

Привыкай къ другому.

Неужели для того мы столько переносили и перестрадали, чтобы въ одинъ прекрасный день найти въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» такой конфузъ...

Нѣтъ, совсѣмъ я сегодня скверно выгляжу.

Какъ Грингмутъ послѣ московскихъ выборовъ.

Надо будетъ содовой воды выпить.

* * *

Меньшиковъ гллситъ:

— Правительство имѣетъ кромѣ того въ своихъ рукахъ мало-организованный, но вообще крѣпкій своими традиціями административно полицейскій персоналъ и вообще такъ называемую «гнилую», но—когда это нужно—довольно смѣлую (sic!) «бюрократію».

Не только смѣлую, но прямо таки неустрашимую.

И каждый день какой-нибудь бюрократъ свою неустрашимость намъ показываетъ.

Сегодня на очереди генералъ маіоръ Десино, истинно русскій военный агентъ, нашъ уполномоченный въ Шанхаѣ.

Имъ израсходовано 20.000.000 рублей.

А оправдательныхъ документовъ представлено всего на одинъ милліонъ...

19.000.000 рублей израсходовано à la fourchette!..

A l'aveugle!

A la mode!

Вся бухгалтерія больше напоминаетъ пель-мель, — словно ее Н. Д. Красовъ съ Н. Н. Арбатовымъ режиссировали.

Товарищъ генерала по неустрашимости д. с. с. Павловъ израсходовалъ такъ же 10.000.000 рублей.

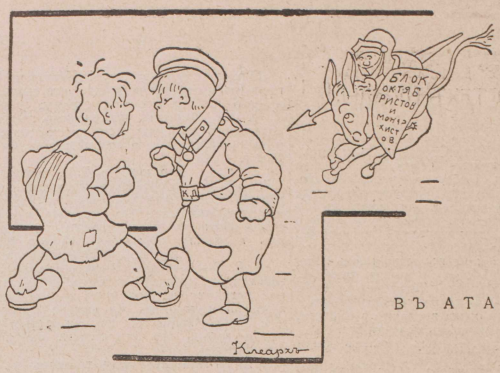
Но стоитъ ли говорить о какихъ то тамъ десяти милліонахъ рубляхъ.

За послѣднее время эта цифра стала нормой.

Для освобожденіи редакторовъ изъ тюрьмы—10.000 рублей.

Для судебнаго разслѣдованія бюрократическаго факусъ-покусъ растрата—10.000.000 рублей.

Звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ.



ВЪ АТАКУ!

КОКО.

Мы яро спорили тогда,
Пришли совсѣмъ въ экстазъ:
—«Жизнь—*наслажденье,* господа!»
Кричатъ одни изъ насъ.
— «Нѣтъ, наша жизнь,—кричитъ
въ отвѣтъ
Другая сторона,—
Совсѣмъ не наслажденье, нѣтъ,
А *долгомъ* быть должна!»
И кресчендируя, нашъ споръ
Зашелъ бы далеко.
Какъ вдругъ влетѣлъ какъ метеоръ
Нашъ общій другъ Коко.
— «Друзья! — онъ крикнулъ, —
жизнь не долгъ!
Нѣтъ, наша жизнь—долги!»
И тотчасъ споръ о жизни смолкъ,
И разошлись враги.

ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ.

Въ № 24 будетъ напечатано «Его Превосходительство г. Урсати и продолженіе Квартирологіи (укладка меланхолическая) съ рис. Вальгиса.

Молодая особа желаетъ **получить мѣсто** продавщицы кассирши или вообще какое либо подходящее занятіе за какое бы ни было вознагражденіе.
Адресъ: Мѣщанская ул., д. 8, кв. 16. Е. А. С.

ПѢНІЕ

Быстрая постановка голоса. Итальянская метода.
Прохожденіе опернаго, концертнаго и опереточнаго репертуара.
Екатерининскій каналъ, 86, кв. 2,
отъ 10—12 часовъ.

Даю уроки скрипки
ученикъ АУЭРА.
Могилевская, 19, кв. 14.

янъ, отказа нѣмцамъ въ продажѣ имъ своего имѣнія «Суходоль», за которое нѣмцы, съ задаткомъ—80 тысячъ въ рукахъ, давали ей не исключая и неудобной земли, по 135 рублей за десятину.

Затѣмъ, г-жа Де-Прерадовичъ подала въ Екатеринославскій Крестьянскій банкъ заявленіе, что согласна уступить свою землю крестьянамъ (4300 десятинъ) по 125 рублей за десятину, а 300 десятинъ такъ называемой неудобной земли—даритъ крестьянамъ, но управляющій банкомъ, г. Горецкій, отвѣтилъ ей, что онъ не выдастъ за ея землю болѣе 95 рублей на десятину, то есть назначилъ ссуду подъ имѣніе не въ размѣрѣ 500 тысячъ рублей, а лишь въ 380 тысячъ рублей. Такимъ образомъ, крайне бѣднымъ и совершенно безземельнымъ крестьянамъ пришлось бы для пріобрѣтенія этого имѣнія доплатить изъ собственныхъ уже средствъ 112 тысячъ рублей, что представлялось въ данномъ случаѣ совершенно невозможнымъ.

На замѣчаніе владѣлицы; что эти крестьяне, какъ безземельные, имѣютъ полное право, на строгомъ основаніи Высочайшаго Манифеста отъ 3-го ноября, пользоваться льготой на полученіе изъ банка ссуды въ размѣрѣ полной оцѣнки земли, г. Горецкій указалъ на циркулзръ Министра Финансовъ, требующаго отъ управляющихъ банкомъ искусственнаго пониженія оцѣнокъ земли, которымъ онъ-молъ и обязанъ слѣпо руководствоваться...

Предводитель дворянства того же Славяносербскаго уѣзда, Сергій Михайловичъ Ильенко, заключилъ запродажную сдѣлку со своими крестьянами на имѣніе «Макаровъ-Яръ», находящееся, какъ и «Суходолъ», на рѣкѣ «Донецъ», но г. Горецкій заявилъ крестьянамъ въ присутствіи самого владѣльца, что земля въ этомъ имѣніи не стоитъ и по 100 рублей за десятину,

Къ этому нужно добавить, что управляющіе Крестьянскими банками усвоили себѣ праврло руководствоваться при разцѣнкѣ доходности частновладѣльческихъ земель, статистическими данными 1886 года, то есть арендными цѣнами, существовавшими 20 лѣтъ тому назадъ, —въ 3 раза ниже существующихъ въ настоящее время.

Какъ прикажите, графъ, назвать подобный обзазъ дѣйствій—правительственныхъ органовъ? — разбойническимъ или же анархическимъ... грабить однихъ и за чужой счетъ—награждать другихъ, при этомъ гласно дискредитируя въ народной массѣ Царское слово и Царскую волю, ясно и опредѣленно выраженную въ Высочайшемъ Манифестѣ.

Назовите мнѣ, укажите другую страну, гдѣ бы всѣ усилія правительства, вся дѣятельность его направлены были только къ разрушенію государства, къ уничтоженію частной собственности, къ умаленію къ народѣ зачаточныхъ понятій о правѣ, законности, чувства долга, чести, порядочности!

Нѣтъ, я увѣрена, что революціонеры и пролетаріи всѣхъ странъ, вмѣстѣ взятые, никогда не могли бы въ такой короткій срокъ довести Россію до того ужаснаго положенія, полнаго упадка, разложеоія, въ которомъ она въ дѣйствительности находится — задушенная, разоренная, раздавленная правительствомъ.

И тѣмъ не менѣе, новый тяжелый налогъ опять ложиться на нее. Не говоря уже о томъ, что по торговому договору, заключенному вами съ Германіей, нѣмцы, по одному экспорту зерноваго хлѣба, положатъ себѣ въ карманъ прибыль отъ 60 до 70 милліоновъ рублей, но угольный синдикатъ, благодаря которому цѣна на уголь тотчасъ же подымется съ $7^1/_2$ копѣекъ на 10 копѣекъ, выразится для однихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ ежегоднымъ перерасходомъ отъ $5^1/_2$ до 6 милліоновъ. Русская же промышленность и частный потребитель минеральнаго топлива Донецкаго Бассейна вынуждены будутъ въ свою очередь уплачивать въ пользу синдиката свыше 10 милліоновъ рублей.

Всѣ крупныя угольныя предпріятія въ Россіи, какъ вы сами знаете, находятся по преимуществу въ рукахъ бельгійскихъ и французскихъ капиталистовъ и слѣдовательно ежегодный излишекъ, выразившійся въ почтенной суммѣ 16 милліоновъ рублей, поступитъ цѣликомъ въ пользу иностранцевъ.

Только одинъ А. К. Алчевскій громко протестовалъ и смѣло боролся противъ эксплоатаціи Россіи и ея богатствъ иностранцами въ явный ущербъ интересамъ русскихъ предпринимателей, но за упорство свое, за непремѣнное желаніе наперекоръ другимъ, сохранить учрежденныя имъ промышленныя прелпріятія исключительно въ русскихъ рукахъ—онъ заплатилъ своею жизнею...

На учрежденіе угольнаго синдиката, конечно, всѣ смотрятъ какъ на вынужденную подачку, брошенную вами иностранцамъ въ интересахъ высшихъ правительственныхъ соображеній, какъ на прямой результатъ поѣздки Вл. Н. Коковцова въ Парижъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, никто также не сомнѣвается, что эта послѣдняя подачка—никуда негодный палліативъ, безсильный противостоять силѣ самихъ обстоятельствъ: финансовому и экономическому разстройству страны, точно также, какъ безсильны г. Гурьевъ и корреспонденты во фракахъ, вооруженные «желтыми билетами» проститутокъ, щедро оплачиваемые вами за счетъ народныхъ средствъ—поднять своими статьями и тенденціозными сообщеніями — престижъ Совѣта Министровъ наперекоръ неумолимой логикѣ фактовъ и жизни...

Кто, несомнѣнно, отъ чистаго сердца, апплодировалъ бы вамъ и всей дѣятельности Совѣта Министровъ, такъ это графъ Бисмаркъ, который только спалъ и видѣлъ, какъ бы поскорѣе преобразить Россію—въ жалкое, разоренное, обезсиленное государство, не угрожающее болѣе широкому полету и осуществленію алчныхъ аппетитовъ, вожделѣній нѣмецкой націи, величію и могуществу его Германіи.

Но не могутъ, при всемъ желаніи, апплодировать вамъ тѣ изъ русскихъ людей, для которыхъ возрожденіе Россіи, ея благополучіе, ея будущность—также близки и дороги, какъ были дороги они «желѣзному Канцлеру» въ отношеніи его «Vaterland'a».

Не преувеличивая скажу, что каждый изъ насъ, внимательно наблюдающій теперь за перепитіями бѣшеной правительственной оргіи, имѣетъ полное право подумать, что вы дѣйствительно слѣдуете указаніямъ, преподаннымъ еще Англіи Веньяминомъ Франклиномъ въ его брошюрѣ, изданной не задолго до отдѣленія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ отъ Метрополіи и озаглавленной: «Какъ сдѣлать изъ большой Имперіи—маленькую?»

Поистинѣ, «куда ни кинь — вездѣ клинъ!»—Кого назначили вы посломъ въ Токіо—г. Юрія Бахметьева, тогда какъ вамъ и графу Ламздорфу не могла не быть извѣстна его дѣятельность въ Болгаріи, гдѣ онъ успѣлъ заявить себя съ самой отрицательной стороны. Неужели въ вашемъ распоряженіи въ дѣйствительности не нашлось ни одного честнаго русскаго дипломата, способнаго поднять на Дальнемъ Востокѣ обаяніе Россіи и установить прочныя и дружественныя отношенія между нами и Японіей?

Въ заключеніе должна сказать, что я вѣрю теперь, что васъ не могла испугать перспектива оглашенія въ иностранной печати письма моего и телеграммы, когда не боитесь вы суда и приговора надъ собою всей Россіи.

Но не располагая другими средствами и способами, я думала, что этимъ путемъ, могу подвинуть васъ или на честное выполненіе Высочайшихъ предначертаній, или на оставленіе вами поста премьеръ-министра и тѣмъ принести, хотя слабое облегченіе невыносимымъ страданіямъ моей несчастной родины. Я заблуждалась совершенно искренно.

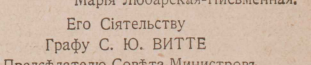
Вы, вѣроятно, уже знаете, что я получила отъ В. Д. Бѣлова двѣ телеграммы и письмо, Онъ вѣритъ еще въ вашъ талантъ, въ ваши добрыя намѣренія и горячо призываетъ другихъ—вѣрить и поддерживать васъ. Просьба этого дорогого для меня человѣка—законъ. И я, конечно, была бы счастлива убѣдиться на дѣлѣ въ вашихъ истинно благонамѣренныхъ желаніяхъ, увѣровать въ скорый созывъ Государственной Думы, продолжая надѣяться, что не взирая на всѣ репрессіи, организованное правительствомъ гоненіе, на всѣ административныя воздѣйстія, аресты лучшихъ людей, все же въ составъ будущей Думы войдутъ не одни только «черносотенцы», но и честные идейные люди и Россія будетъ спасена!

Я также надѣюсь, что вы съ своей стороны признаете, что мое настоящее письмо ни въ чемъ не отступаетъ отъ ужасающей дѣйствительности; въ подтвержденіе же моихъ словъ прилагаю и вырѣзки изъ разныхъ газетъ. Очень рекомендую прочитать въ № 4 журнала «Право» статью профессора Э. Гримма «Наше политическое положеніе».

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

Марія Любарская-Письменная.

Его Сіятельству
Графу С. Ю. ВИТТЕ
Предсѣдателю Совѣта Министровъ.



Редакторъ. В. Я. БЫКОВЪ. Товарищество «Вольная типографія «Фонтанка, д. № 94 Издатель. Н. Г. ШЕБУЕВЪ